

A detailed fantasy illustration. In the foreground, a man with short brown hair and a serious expression stands on a snowy mountain peak. He is wearing a dark blue, ornate robe with silver embroidery on the collar and cuffs, and a brown leather belt with pouches. He holds a tall, intricately designed wooden staff topped with a silver cross-like ornament. To his right, a large, dark brown dog with pointed ears and glowing orange eyes stands alert. The dog wears a silver collar with a circular emblem. The background features a dramatic, snowy mountain range under a purple and pink sky. A bright, vertical beam of purple light descends from a distant, dark, industrial-looking structure on a cliff in the background.

**Максим
Взор**

**Стальной
БАРОН 2**

Максим Взор

Стальной Барон 2

«Автор»

2026

Взор М.

Стальной Барон 2 / М. Взор — «Автор», 2026

Империя висит на волоске, и нить эту перерезают не враги, а свои. Пока Тайный совет плетет интриги, а консерваторы требуют крови «высочки» фон Верна, с юга надвигается неумолимая армада. Граф Шталь объединил три королевства и принес с собой оружие, способное стирать саму материю — жуткое эхо древней Бездны, против которого бессильны обычные пушки и крепостные стены. Алексу, военному министру и резонатору, предстоит сделать невозможное: превратить вчерашних крестьян в машину войны, противопоставить магии разрушения инженерную мысль, баллистику и клыки боевых псов. Но у каждого чуда есть своя цена. Чтобы закрыть трещину в реальности и спасти мир от пожирающего его Хаоса, Алексу придется принести высшую жертву — отказаться от своего дара.

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

Стальной Барон 2

Глава 1. Новый порядок

Солдаты имперской гвардии сменяли караул. Движения их были отточены, синхронны, почти ритуальны — и в этой безупречной механике он читал то, что не смог бы прочитать в словах: эти люди принадлежали старой системе. Они служили империи так, как служили их отцы и деды, и никакие реформы не изменят этого, пока он, новый военный министр, не найдёт способ изменить их самих.

На столе лежали три папки — утренние доклады, которые он должен был изучить до первого совещания. Первая — о состоянии имперской армии: цифры, таблицы, диаграммы, из которых следовало, что из тридцати полков только двенадцать боеспособны, а остальные существуют лишь на бумаге, чтобы их командиры могли получать жалованье. Вторая — о бюджете: суммы, которые заставляли его, человека, привыкшего к военным сметам в своей прошлой жизни, морщиться. Третья — о кадрах: список генералов и полковников, с короткими характеристиками, написанными тем сухим канцелярским языком, за которым всегда скрывалось что-то большее.

Он открыл третью папку и нашёл имя, которое искал: **генерал фон Гогенцоллерн, командующий Первой имперской армией, шестьдесят три года, тридцать восемь лет службы, участник трёх кампаний, кавалер трёх орденов**. Характеристика была короткой: *«Опытный командир. Консервативных взглядов. Пользуется уважением в офицерском корпусе»*.

Алекс усмехнулся. «Консервативных взглядов» на языке канцелярии означало «будет сопротивляться любым изменениям». А «пользуется уважением» — «имеет влияние, с которым придётся считаться».

Он закрыл папку и посмотрел на часы. До совещания — двадцать минут.

Совещание должно было пройти в большом зале на втором этаже — просторном помещении с дубовыми панелями, портретами прежних военных министров на стенах и длинным столом, за которым обычно собирались те, кто принимал решения. Алекс вошёл первым — по старой привычке офицера, который знает: тот, кто приходит первым, задаёт тон.

Но когда он сел во главе стола и развернул бумаги, дверь открылась, и вошёл не фон Гогенцоллерн, а его адъютант — молодой лейтенант с лицом, на котором читалось не смущение, а та вежливая наглость, которая бывает у людей, выполняющих неприятный приказ.

— Генерал фон Гогенцоллерн просил передать, что он не сможет присутствовать на совещании, — произнёс лейтенант, и в его голосе не было ни извинения, ни уважения. — У него запланирована инспекция казарм на северной окраине столицы.

Алекс посмотрел на него. Не долго — достаточно, чтобы лейтенант опустил глаза.

— Когда генерал планирует вернуться?

— Не раньше завтрашнего утра, милорд.

— А когда он планировал эту инспекцию? До или после того, как получил повестку на сегодняшнее совещание?

Лейтенант замялся.

— После, милорд.

— То есть он получил повестку, зная о совещании, и всё равно назначил инспекцию.

— Да, милорд.

Алекс кивнул.

— Передайте генералу, что я приму его завтра, в десять утра, в этом же зале. И что его присутствие — обязательно.

Лейтенант поклонился и вышел. Алекс остался один, в пустом зале, где портреты прежних министров смотрели на него с тем выражением, которое бывает у людей, уверенных, что их эпоха — единственно правильная.

Он усмехнулся. «Консервативных взглядов». Значит, война начинается сегодня.

Канцлер принял его в своём кабинете — том самом, где они договаривались о сделке месяц назад, когда столица горела, а империя висела на волоске. Но сейчас канцлер выглядел иначе: не как проситель, а как хозяин положения, и в этом Алекс прочитал то, что должен был прочитать: канцлер передумал. Или, точнее, передумали те, кто стоял за ним.

— Граф фон Верн, — произнёс канцлер, не вставая из-за стола. — Я слышал о вашем первом совещании.

— Я тоже, — Алекс сел в кресло напротив. — Генерал фон Гогенцоллерн решил, что инспекция казарм важнее.

Канцлер усмехнулся — той усмешкой, которая бывает у людей, понимающих, что ситуация забавная, но не собирающихся это показать.

— Фон Гогенцоллерн — человек старой школы. Он не привык, что им командует кто-то моложе его сына.

— Я не прошу его любить меня, — Алекс произнёс это ровно. — Я прошу его подчиняться.

— Это — разные вещи, граф.

— Нет, — Алекс покачал головой. — Это — одно и то же. Если он не подчиняется, значит, он не любит. А если не любит — не подчинится.

Канцлер помолчал, обдумывая. Потом произнёс то, чего Алекс, в глубине души, ожидал:

— Не ссорьтесь с армией, граф. Она — единственный столп империи. Если армия отвернётся от вас — вы не устоите. Даже с вашим Резонансом. Даже с вашим полком. Даже с вашей победой под укрепайоном «Молот».

Алекс смотрел на него, и в его голове складывалось понимание: канцлер не предупреждает. Канцлер угрожает. Тонко, вежливо, по-канцелярски — но угрожает.

— Я понимаю, — произнёс он. — Но армия, которая не подчиняется гражданскому руководству, — это не столп. Это — угроза. И если фон Гогенцоллерн решил, что он выше меня, — он ошибается.

— Ошибается он или нет — это не моя забота, — канцлер пожал плечами. — Моя забота — чтобы империя выжила. А выжить она может только с армией, которая верна ей. Не вам, граф. Империи.

— Разница невелика, — Алекс усмехнулся криво.

— Для вас — возможно, — канцлер посмотрел на него прямо. — Для армии — огромна.

Они смотрели друг на друга, и в этом молчании, в этой паузе, которая длилась, может быть, полминуты, Алекс видел, как канцлер принимает решение: не помогать, но и не мешать. Пусть разбирается сам.

— Действуйте, как считаете нужным, граф, — произнёс канцлер наконец. — Но помните: если вы ошибётесь — я не смогу вас защитить.

— Я и не прошу, — Алекс встал. — Я прошу только об одном: не вставляйте у меня на пути.

— Это — всё, что я могу обещать, — канцлер тоже встал. — И это — больше, чем я обещал кому-либо за последние двадцать лет.

Алекс поклонился и вышел. В коридоре его ждал Фальк — как всегда, с лицом, на котором не было обычной иронии, а только та сосредоточенность, которая бывает у людей, принёсших новости.

Они шли по коридору молча, и только когда вошли в кабинет Алекса и закрыли дверь, Фальк заговорил:

— Фон Гогенцоллерн не просто саботирует, — произнёс он тихо. — Он координирует.

— С кем?

— С консерваторами. Вчера вечером он ужинал с фон Вальдбургом, фон Кляйнбергом и ещё тремя баронами. Все — в списке тех, кто подал на вас доклад императору.

— О чём они говорили?

— Не знаю, — Фальк пожал плечами. — Но я знаю, что после ужина фон Вальдбург поехал во дворец и провёл там два часа. С кем — не выяснил. Но это был не канцлер.

— Император?

— Возможно. А возможно — кто-то другой. Кто-то, кто имеет влияние на императора.

Алекс сел за стол, открыл ящик и достал папку, которую приготовил заранее. В ней были документы — копии писем, показания свидетелей, финансовые отчёты. Всё, что он, майор Вершинин, привык собирать в своей прошлой жизни, работая в военной разведке.

— Фон Гогенцоллерн, — произнёс он, — не просто консерватор. Он — организатор. И если мы его не остановим — он остановит нас.

— Как? — Фальк сел напротив.

— Жёстко, — Алекс открыл папку. — Но умно. Не публично. Не с шумом. Так, чтобы он понял: я сильнее. И чтобы остальные поняли: со мной лучше не связываться.

Фальк усмехнулся криво.

— Вы становитесь опасным, граф.

— Я становлюсь эффективным, — Алекс усмехнулся в ответ. — Это — разные вещи.

В десять утра следующего дня фон Гогенцоллерн вошёл в зал — высокий, седой, с лицом, похожим на старый пергамент, с тремя орденами на мундире и с тем выражением, которое бывает у людей, уверенных, что они имеют право не подчиняться.

Алекс уже ждал его. Один, за столом, с папкой перед собой.

— Генерал, — произнёс он, не вставая. — Прошу садиться.

Фон Гогенцоллерн сел — не низко, не подобоострастно, а ровно, как равный равному. И в этом жесте Алекс прочитал вызов.

— Вы хотели меня видеть, граф, — произнёс генерал.

— Я хотел понять, — Алекс посмотрел на него прямо, — почему вы не пришли на вчерашнее совещание.

— У меня была инспекция, — фон Гогенцоллерн пожал плечами. — Казармы на северной окраине требуют внимания.

— А совещание — не требует?

— Совещание могло подождать, — генерал усмехнулся. — Казармы — нет.

Алекс молчал, обдумывая. Потом открыл папку и положил перед генералом лист бумаги.

— Это — копия вашего вчерашнего ужина, — произнёс он. — С фон Вальдбургом, фон Кляйнбергом и ещё тремя баронами. Все — в списке тех, кто подал на меня доклад императору.

Фон Гогенцоллерн посмотрел на бумагу. Лицо его не изменилось, но в глазах мелькнуло что-то — не страх, а настороженность.

— Я имею право ужинать, с кем хочу, — произнёс он.

— Имеете, — Алекс кивнул. — Но вы не имеете права саботировать приказы военного министра.

— Я не саботирую, — генерал посмотрел на него прямо. — Я просто не считаю нужным подчиняться тому, кто моложе моего внука.

Алекс усмехнулся. Не зло — спокойно.

— Возраст — не аргумент, генерал. Компетентность — аргумент. И если вы считаете, что я некомпетентен, — я могу это доказать.

— Как?

— Очень просто, — Алекс достал из папки второй лист. — Это — план реформы имперской армии. Переобучение пехоты, перевооружение, новая логистика. Я подготовил его за три дня. Вы — за тридцать восемь лет службы не подготовили ничего подобного.

Фон Гогенцоллерн посмотрел на план. Долго. Молча. И в его глазах, в глазах человека, который за тридцать восемь лет привык, что его мнение — закон, проступало что-то похожее на неуверенность.

— Это — невозможно, — произнёс он наконец. — На это нужны годы. Десятилетия.

— У нас нет десятилетий, — Алекс покачал головой. — У нас — шесть месяцев. И если мы не сделаем этого — южные королевства придут снова. И тогда — не будет ни вас, ни меня, ни империи.

Генерал молчал, обдумывая. Потом медленно произнёс:

— Вы ставите мне ультиматум, граф?

— Нет, — Алекс покачал головой. — Я даю вам выбор. У вас есть час, чтобы подать в отставку по собственному желанию. Или я подам её за вас — с формулировкой «за измену».

Фон Гогенцоллерн посмотрел на него — долго, молча. И в этом взгляде, в глазах человека, который за тридцать восемь лет привык повелевать, было то выражение, которое бывает у людей, понимающих, что они, проиграли.

— Вы не имеете права, — произнёс он тихо.

— Имею, — Алекс произнёс это ровно. — Потому что у меня есть доказательства. И потому что у меня есть воля. И потому что у меня нет выбора.

Генерал встал. Медленно. Тяжело. Как человек, который понимает, что его эпоха закончилась.

— Вы пожалеете об этом, граф, — произнёс он. — Армия не простит вам этого.

— Армия простит, — Алекс тоже встал. — Потому что армия — это не вы. Армия — это те, кто будет воевать весной. И они простят, если я спасу их жизни.

Фон Гогенцоллерн поклонился — не низко, не подобоострастно, а ровно, как равный равному. И вышел.

Алекс остался один, в пустом зале, где портреты прежних министров смотрели на него с тем выражением, которое бывает у людей, уверенных, что их эпоха — единственно правильная.

Он усмехнулся. «Консервативных взглядов». Больше — нет.

Вечером, в кабинете, он получил письмо. Не от канцлера, не от Фалька, не от Греты. От Ирмы.

Она писала из дворца — коротко, сдержанно, с тем почерком, который он узнал бы с закрытыми глазами:

«Алекс,

Сегодня был мой первый приём у императрицы. Я говорила с дамами о травах — так, как говорят о погоде. Вежливо, но отстранённо. И я поняла: я становлюсь одной из них.

Не зови меня обратно. Я делаю то, что должна. Учусь. Лечу детей императора. Зарабатываю доверие. Но я устала, Алекс. И я скучаю.

Не по Вернштейну. По тебе.

Ирма»

Он прочитал письмо дважды. Потом сложил его и положил в ящик стола.

За окном темнело. В коридорах министерства стихали шаги. И в этой тишине, в этой паузе между днём и ночью, между победой и поражением, между тем, кем он был, и тем, кем он должен стать, Алекс понял одно:

Он перешёл черту.

ГЛАВА 2. ДВОР

Алекс шёл по длинному коридору Зимнего крыла, и звук его сапог по паркету казался здесь слишком громким, слишком грубым, нарушающим ту хрупкую, выдуманную гармонию, которую придворные культивировали веками.

Он был в парадном мундире военного министра — тёмно-синем, с серебряной вышивкой и аксельбантом, который весил больше, чем походный ранец. Этот мундир был его бронёй, но в этих коридорах он чувствовал себя в нём не защищённым, а выставленным напоказ, как мишень. Здесь не ценили кровь на сапогах и порох на руках. Здесь ценили умение улыбаться так, чтобы собеседник не понял, над ним смеются или его уже подписали на казнь.

Он искал Ирму. Грета в последнем письме упомянула, что её принимают в Галерее Императрицы, где она должна была демонстрировать новые методы наложения шин придворным дамам, чьи дети слишком много падали с пони.

Алекс свернул в арку и остановился.

Галерея была залита солнцем, пробивавшимся сквозь высокие окна. Воздух здесь был легче, пахло апельсинами и олеандрами. Ирма стояла в центре круга из женщин в кринолинах. Она была одета не в своё привычное серое шерстяное платье, в котором он привык её видеть, а в тёмно-зелёный шёлк, плотно облегавший фигуру, с высоким кружевным воротником. Волосы, обычно собранные в простую косу, были уложены сложной причёской и перехвачены нитью жемчуга.

Она говорила. Голос её был ровным, спокойным, лишённым той деревенской мягкости, с которой она обращалась к крестьянам в Вернштейне. Она держала в руках деревянную шину, показывая герцогине фон Лихтенберг, как правильно фиксировать сломанную ключицу, и делала это с той же отстранённой вежливостью, с какой говорят о погоде или о ценах на шёлк.

Алекс смотрел на неё и не мог найти ту женщину, которая спасала его от лихорадки, которая вытаскивала осколки из его бедра, которая держала его за руку, когда он умирал. Эта женщина в шёлке была чужой. Она была частью механизма, частью двора, частью той системы, которую он так яростно пытался сломать.

Он ждал, пока аудиенция закончится. Когда дамы, наконец, уплыли, шурша юбками, Ирма осталась одна. Она вытерла руки кружевным платком, опустила плечи, и на мгновение — всего на одно мгновение — в её позе проступила та самая усталость, которую он узнал бы из тысячи.

— Ты выглядишь так, будто только что провела три часа в кузне, — произнёс он, выходя из тени колонны.

Она вздрогнула, обернулась, и на её лице сменилось сразу три выражения: испуг, облегчение и — он увидел это ясно — досада. Досада от того, что её застали врасплох, без маски.

— Алекс, — она сделала шаг вперёд, но он не двинулся ей навстречу. — Я не знала, что ты приедешь. Гонец сказал, что ты занят реформой артиллерии.

— Артиллерия подождёт, — он смотрел на её платье, на жемчуг в волосах. — А вот ты, похоже, не ждёшь.

Ирма замерла. Она была умной женщиной и поняла не по словам, а по тому, как он стоял, как смотрел, что дело не в платье.

— Ты ревнуешь меня к шёлку? — в её голосе прорезалась та самая сталь, которую он сам в ней воспитал.

— Я ревную тебя к ним, — он кивнул в сторону, куда уплыли дамы. — Ты играешь их игру, Ирма. Ты говоришь их языком. Ты становишься одной из них.

Она медленно положила шину на стол. Выпрямилась. И в этом движении не было покорности.

— Я делаю то, что ты мне велел, — произнесла она тихо, но каждое слово падало, как камень. — Я учу их лекарей. Я лечу их детей. Я зарабатываю доверие, чтобы никто не посмел назвать меня ведьмой и сжечь на костре, пока ты играешь в министра. Ты думаешь, здесь можно выжить в сером платье знахарки? Они сожрали бы меня за неделю.

— Я не хотел, чтобы ты менялась, — Алекс сделал шаг к ней, но она отступила.

— А у меня не было выбора, — она посмотрела ему прямо в глаза. — Ты требуешь, чтобы я осталась той, какой была в Вернштейне, потому что тебе так удобнее. Потому что та Ирма — это твой якорь. Твоё напоминание о том, что ты всё ещё человек. Но этот мир не оставляет нас прежними, Алекс. Ты сам изменился. Ты вчера отправил в отставку генерала, который служил империи дольше, чем мы с тобой живём. Ты стал другим. И я должна стать другой, иначе мы оба погибнем.

Он хотел возразить, хотел сказать, что он изменился ради выживания империи, а она — ради выживания при дворе, но слова застряли в горле, потому что она была права. Он хотел, чтобы она была его убежищем от этого дворца, но она была вынуждена стать его частью.

Дверь в конце галереи скрипнула, и появился придворный лакей в белых чулках.

— Граф фон Верн, — лакей поклонился так низко, что его нос едва не коснулся паркета. — Его императорское величество просит вас немедленно явиться в кабинет.

Ирма выдохнула. Маска снова опустилась на её лицо, скрывая усталость и боль.

— Иди, — сказала она тихо. — Император не любит ждать.

Алекс посмотрел на неё ещё секунду, кивнул и повернулся. Он шёл по коридору, и звук его сапог снова казался слишком громким, но теперь он чувствовал не гнев, а тяжёлую, свинцовую пустоту.

Кабинет императора был меньше, чем тронный зал, и пах в нём не розовой водой, а лекарствами, старым пергаментом и слабым запахом камфоры. Император Вольфганг Четвёртый сидел за столом, заваленным бумагами. Он выглядел старше, чем во время штурма столицы — кожа была серой, под глазами залегли глубокие тени, а рука, державшая перо, слегка дрожала. Но глаза, когда он поднял их на Алекса, оставались ясными и цепкими.

— Граф, — император отложил перо и поморщился, растирая запястье. — Вы заставили меня ждать.

— Прошу прощения, ваше величество, — Алекс поклонился. — Я был во дворце по личному делу.

— По личному, — император усмехнулся, и эта усмешка тут же перешла в сухой кашель. Он откашлялся в платок, скомкал его и бросил в корзину, где уже лежало несколько таких же. — Личные дела, граф, — это роскошь, которую мы с вами больше не можем себе позволить. Но я не за тем вас позвал, чтобы читать мораль.

Император встал, подошёл к окну, смотревшему на дворцовую площадь.

— Ваша женщина, — произнёс он, не оборачиваясь. — Ирма фон Вайс.

Алекс напрягся, но лицо осталось спокойным.

— Она делает великое дело для империи, граф, — император повернулся. — Вчера она поставила на ноги моего внука. Придворные лекари готовили его к ампутации, а она, используя свои... методы, сросла кость за три дня. Они, — он кивнул в сторону дверей, за которыми находился двор, — они боятся её. Но они уважают её. И это, граф, дороже, чем десять полков пехоты.

— Она не инструмент, ваше величество, — произнёс Алекс. Голос его был ровным, но в нём звенело напряжение.

— В этом дворце всё — инструмент, — император посмотрел на него с той холодной прямоотой, которая бывает у людей, давно отбросивших иллюзии. — Я — инструмент. Вы — инструмент. Она — самый точный и ценный инструмент, который у меня есть. И я говорю вам это не как император, а как человек, который видел, как рушатся империи из-за того, что их правители путали личное с государственным.

Алекс молчал. Он хотел возразить, хотел сказать, что он не позволит использовать её, но слова казались мелкими и незначительными перед лицом этой холодной, дворцовой логики.

— Не теряйте её, граф, — император вернулся за стол и снова взял перо. — Не из-за ревности. Не из-за гордости. Она нужна империи. И, смею предположить, она нужна вам. Но если вы сломаете её, пытаясь оставить себе, вы сломаете и то, что она даёт нам. Это — всё, что я хотел сказать. Вы свободны.

Алекс поклонился и вышел. В коридоре он остановился, прислонившись спиной к холодной мраморной стене. Император был прав. И это было хуже всего. Потому что если бы император был неправ, Алекс мог бы бороться с ним. Но против правды, которая пахла камфорой и гнилью, бороться было нечем.

Он шёл к выходу медленно, не глядя по сторонам. Когда он проходил через главный холл, он увидел её. Ирма стояла у массивной дубовой двери, ведущей в жилые покои. Она была одна. Шёлковое платье теперь казалось не украшением, а смиренной рубашкой.

Она увидела его. Не подошла. Не улыбнулась. Просто смотрела.

И в её взгляде не было ни упрёка, ни любви, ни обиды. В её взгляде было то выражение, которое бывает у людей, которые поняли, что их любят, но эта любовь не может их спасти.

Алекс сделал шаг к ней, но она едва заметно покачала головой. Едва заметно, так, что никто из прохожих не заметил. Но он понял.

Он поклонился — коротко, по-министерски — и прошёл мимо.

Тяжёлые двери дворца закрылись за ним с глухим, окончательным звуком. На улице было холодно, дул резкий ветер с реки, срывая с крыш грязный снег. Алекс спустился по ступеням к карете, запряжённой четвёркой вороных. У дверцы стоял Фальк, кутаясь в серый плащ.

— Ну что, граф? — Фальк открыл дверцу. — Удалось поговорить?

Алекс сел в карету, откинулся на мягкие подушки и закрыл глаза.

— Садись, Эрих, — произнёс он устало.

Фальк сел напротив, кивнул кучеру, и карета тронулась, качнувшись на неровной брусчатке. Они ехали молча, слушая, как стучат копыта лошадей и как скрипят рессоры. За окном мелькали фасады столичных домов, витрины лавок, фигуры прохожих, кутающихся в плащи.

— Она права, — произнёс Фальк наконец, не глядя на Алекса. Он смотрел в окно, но Алекс знал, что бывший разведчик видит всё.

— Кто? — Алекс открыл глаза.

— Ирма, — Фальк повернул голову. — Вы оба изменились. Вы стали министром, она стала придворной дамой. Вы оба носите маски, которые приросли к лицу. Вопрос не в том,

сможете ли вы остаться теми, кем были. Вопрос в том, сможете ли вы остаться вместе, когда станете ещё другими.

Алекс посмотрел на свои руки. На шрамы от ожогов, на мозоли от меча и молота. Эти руки построили укрепрайон «Молот», эти руки сломали армию южан. Но они не могли удержать женщину, которая была ему дороже всего на свете, потому что этот дворец, этот город, эта империя перемалывали людей, превращая их в шестерёнки механизма.

— Я не знаю, Эрих, — произнёс он тихо. — Я впервые в этой жизни не знаю, что делать дальше.

Фальк усмехнулся. Криво, без веселья.

— Добро пожаловать в политику, граф. Здесь не бывает правильных ответов. Бывают только те, за которые меньше платят.

Карета выехала на мост. Внизу, подо льдом, текла тёмная, быстрая вода. Алекс смотрел на неё и думал о том, что война на юге, война с консерваторами, война с самим собой — это только начало. И что самая трудная битва будет не в горах, не в траншеях, а здесь, в этих коридорах, пахнущих розовой водой, где люди убивают друг друга улыбками, а любовь становится просто ещё одной статьёй в государственном бюджете.

Он достал из кармана сложенный листок — письмо Ирмы, которое читал утром. Посмотрел на него, потом медленно разорвал пополам, потом ещё раз, и бросил мелкие кусочки в щель между досками пола кареты.

— Кучер, — сказал он, не отрывая взгляда от пола. — Вези в министерство. У нас много работы.

ГЛАВА 3. ГИЛЬДИЯ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

Запах в Карлсбурге был не таким, как в Вернштейне. Если в вернштейнской кузне пахло честным трудом — углём, раскалённым железом и потом, то здесь, на территории имперского арсенала, воздух был пропитан запахом смерти и разрушения. Он был тяжёлым, маслянистым, с той специфической нотой селитры и горелой плоти, которая навсегда въедается в одежду и которую не может перебить ни одно проветривание.

Карета Алекса въехала во внутренний двор арсенала к полудню, но небо над Карлсбургом было серым, низким, давящим, словно сама империя решила затянуть этот город траурным саваном. Алекс вышел из экипажа первым, игнорируя протянутую руку лакея, и сразу почувствовал, как ныть бедро. Погода менялась, давление падало, и осколки, которые Ирма не смогла извлечь, напоминали о себе тупой, ноющей болью. Он привык к этой боли, как привыкают к старому, неудобному сапогу, который всё равно приходится носить.

Двор был завален обломками. Три огромные доменные печи, гордость имперского военно-промышленного комплекса, теперь представляли собой чёрные, зияющие пасти искоржженного чугуна. Кирпичная кладка была разбросана по всему двору, как кости гигантского зверя. Местный магистрат, толстый человек в парике, сбитом набок, метался между обломками, вытирая пот со лба грязным платком и пытаясь изобразить бурную деятельность.

— Граф фон Верн! — магистрат подбежал к Алексу, кланяясь так низко, что его двойной подбородок коснулся воротника камзола. — Это величайшая трагедия! Ужасная случайность! Рабочие нарушили технику безопасности, засыпали в камеру слишком много угля, и...

— Заткнитесь, — произнёс Алекс тихо, но в его голосе было столько стали, что магистрат мгновенно закрыл рот и отступил на шаг.

Алекс не стал слушать его. Он прошёл мимо него, направляясь к эпицентру взрыва. Рядом, бесшумно, как тень, двигался Фальк. Бывший офицер разведки не смотрел на руины; его глаза сканировали периметр, отмечая каждую деталь, каждый след, каждый обрывок верёвки.

Остановившись у основания второй печи, Алекс присел на корточки, преодолевая боль в ноге, и положил ладонь на кусок оплавленного металла. Он закрыл глаза.

Резонанс отозвался не сразу. Металл был мёртв, его кристаллическая решётка разрушена, углеродные связи разорваны. Но Алекс не искал структуру; он искал память. Он скользнул вниманием глубже, в микротрещины, в поры, в те места, где температура была максимальной. И он нашёл то, что искал.

Это был не случайный перегрев. В охлаждающей камере, в самом уязвимом месте печи, было заложено ровно три фунта чёрного пороха. Порох был упакован в просмоленную ткань, а фитиль выведен через микроскопическое отверстие в кирпичной кладке, замаскированное под естественную трещину. Это была работа профессионала. Точная, расчётливая, безжалостная.

Алекс открыл глаза и встал, отряхивая ладонь от сажи.

— Это не несчастный случай, Эрих, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я знаю, — Фальк подошёл ближе, его голос был ровным, лишенным эмоций. — Я нашёл остатки просмоленной ткани в завале у третьей печи. И ещё я нашёл кое-что другое.

Он протянул Алексу небольшой, почерневший от огня кусок кожи. На нём, едва различимая, но всё ещё читаемая, была выжжена буква. Не инициал мастера, не клеймо арсенала. Сложная, витиеватая вязь.

Алекс взял кожу, повертел её в пальцах. Он знал этот символ. Это была эмблема подмастерья высшей категории Гильдии кузнецов Карлсбурга.

— Они не просто саботируют, — произнёс Алекс, сжимая кусок кожи в кулаке. — Они посылают сигнал.

— Какой сигнал?

— Что они здесь хозяева. И что я — всего лишь гость, которого они могут выгнать в любой момент.

Здание Гильдии кузнецов располагалось в самом сердце Карлсбурга, на площади, которая была названа в честь первого имперского сталевара. Это было массивное, угрюмое строение из тёмного камня, с узкими окнами-бойницами и тяжёлыми дубовыми дверями, окованными бронзой. Гильдия не строила дворцы; она строила крепости, потому что её власть держалась не на красоте, а на монополии.

Алекс вошёл в главный зал без доклада. Два стражника в ливреях Гильдии с алебардами сделали шаг ему навстречу, но Фальк, шедший следом, даже не замедлил шага. Он просто положил руку на рукоять своего кортика, и стражники, почувствовав ту холодную, профессиональную готовность к насилию, которая излучалась бывшим разведчиком, замерли и отступили к стенам.

Зал был обит тяжёлым дубом. На стенах висели портреты великих мастеров прошлого, а в центре стоял массивный стол, за которым сидел Вольф Дитрих.

Дитрих был человеком, который выглядел так, словно его выковали из того же материала, что и его изделия. Широкий в плечах, с лицом, похожим на грубо обтёсанный гранит, с руками, покрытыми шрамами и ожогами, он не встал, когда Алекс вошёл. Он просто смотрел на военного министра из-под тяжёлых, нависших бровей, держа в руке серебряный кубок с вином.

— Граф фон Верн, — произнёс Дитрих. Его голос был хриплым, как скрежет напильника по железу. — Я слышал, вы приехали. Говорят, на арсенале случилась беда.

— Беда случилась не на арсенале, мастер Дитрих, — Алекс остановился в трёх шагах от стола. — Беда случилась в головах тех, кто решил, что закон империи для них не писан.

Дитрих усмехнулся. В этой усмешке не было веселья; было только презрение.

— Закон империи, граф, пишется кровью поколений мастеров, которые передают секреты металла из рук в руки. А не теми, кто вчера ещё не знал, какой стороной держать молот,

и позволяет крестьянам лезть в доменные печи. Вы разрушили наш порядок, граф. Вы обесценили наше мастерство. И теперь вы удивляетесь, что металл не прощает невежества?

— Металл не прощает невежества, — Алекс кивнул. — Но металл также не прощает предательства. Три печи взорваны. Десять мастеров убиты. Вы называете это «невежеством»?

— Я называю это трагедией, — Дитрих сделал глоток вина. — Но я не могу контролировать каждого пьяного подмастерья, которого вы набрали на свою новую работу. Гильдия предупреждала вас, граф. Мы говорили, что ваши методы опасны. Что вы играете с огнём, которого не понимаете.

— Я понимаю огонь лучше, чем вы, Вольф, — Алекс произнёс это тихо, но в зале повисла такая тишина, что было слышно, как трещит воск от свечей. — Вы понимаете огонь как ремесло. Я понимаю его как физику. И я знаю, что порох в охлаждающей камере не взрывается от «пьяного подмастерья».

Дитрих сузил глаза. Маска безразличия на мгновение дрогнула.

— Вы обвиняете Гильдию в подрывной деятельности? — его голос стал ниже, опаснее. — Это государственная измена, граф. Обвинять Гильдию без доказательств — значит нажать себе врагов, которых вы не сможете пересчитать.

— У меня есть доказательства, — Алекс достал из кармана кусок обгорелой кожи и бросил его на стол. Он приземлился рядом с серебряным кубком. — Это нашли в завале. Символ вашего подмастерья.

Дитрих посмотрел на кожу. Его лицо оставалось каменным, но пальцы, державшие кубок, побелели.

— Это может быть подброшено, — произнёс он наконец. — Вы сами сказали, что понимаете в физике. Вы могли подбросить этот кусок сами, чтобы дискредитировать нас.

Алекс смотрел на него и понимал, что перед ним не просто упрямый старик, цепляющийся за свои привилегии. Перед ним был фанатик. Человек, который верил, что Гильдия — это священный орден, а всё, что за её пределами, — хаос и грязь. С таким человеком нельзя было договориться. Его можно было только сломать или обойти.

— Я не собираюсь вас арестовывать, мастер Дитрих, — сказал Алекс, и в голосе его не было угрозы, только холодная констатация факта. — У меня нет времени на суды. У меня нет времени на интриги. У меня есть шесть месяцев до весны. И если вы думаете, что можете остановить меня, убивая рабочих и взрывая печи, — вы ошибаетесь.

— Мы остановим вас, граф, — Дитрих встал, опираясь обеими руками на стол. — Мы не пустим вас в Карлсбург. Мы не пустим ваш металл на рынки. Мы сожжём каждый ваш обоз, если вы попытаетесь вывезти его отсюда. Гильдия — это не просто профессия. Это кровь империи. И если вы попытаетесь разбавить эту кровь, она отторгнет вас, как организм отторгает чужеродное тело.

Алекс кивнул, словно соглашаясь с совершенно очевидной вещью.

— Возможно, — произнёс он. — Но у организма есть только одно тело. А у меня есть армия. И если Гильдия решит встать на пути армии, которая защищает эту империю от южных королевств, я не буду с вами судиться. Я объявлю вас врагами государства. И тогда ваши крепости не спасут.

Он повернулся и пошёл к выходу.

— Вы пожалеете об этом, фон Верн! — крикнул ему вслед Дитрих, и в его хриплом голосе впервые прорезалась ярость. — Гильдия имеет длинные руки! Мы достанем вас везде!

Алекс не обернулся. Он толкнул тяжёлые дубовые двери и вышел на улицу, где начинался мелкий, противный дождь, смывающий сажу с карлсбургских крыш.

Рабочие арсенала были собраны во внутреннем дворе, там, где ещё вчера стояли печи. Их было около четырёхсот человек — грязные, испуганные, с лицами, покрытыми копотью и тревогой. Они стояли неровными группами, переминаясь с ноги на ногу, и бросали на Алекса взгляды, в которых читалось всё: от надежды до откровенной ненависти. Они знали, что Гильдия контролирует их жизни. Они знали, что работа на «выскачку фон Верна» означает чёрную метку. Никто в Карлсбурге больше не возьмёт их на работу. Их семьи будут голодать.

Алекс встал на невысокий деревянный помост, который обычно использовали для приёмки готовой продукции. Дождь моросил сильнее, стекая по полям его шляпы и капая на серебряные пуговицы мундира. Фальк стоял чуть в стороне, держа руку на кортике, на случай, если толпа решит выместить своё отчаяние на военном министре.

— Послушайте меня, — произнёс Алекс. Его голос не был громким, но в нём была та интонация, которую солдаты Вернского полка узнали бы из тысячи. Интонация человека, который не обещает чудес, но обещает правду.

Толпа затихла. Четыре сотни пар глаз смотрели на него.

— Вы видели, что здесь произошло, — продолжил Алекс. — Вы видели мёртвых. Вы видели разрушенные печи. Гильдия говорит вам, что это несчастный случай. Я говорю вам, что это убийство. Убийство, совершённое для того, чтобы вы вернулись в свои подвалы, чтобы вы снова работали за медяки, чтобы вы снова кланялись мастерам, которые считают вас грязью, потому что у вас нет дворянской крови и нет печати Гильдии на вашем паспорте.

В толпе зашептались. Кто-то опустил глаза, кто-то сжал кулаки.

— Мастер Дитрих сказал мне, что Гильдия — это кровь империи, — Алекс обвёл взглядом лица. — Но кровь не может быть густой, если она застаивается. Гильдия защищает свои привилегии. Они защищают право называться мастерами, право диктовать цены, право решать, кому жить, а кому голодать. Они не защищают вас. Они защищают себя.

Он сделал паузу, давая словам впитаться. Дождь барабанил по жестяным крышам навесов.

— Я не обещаю вам, что будет легко, — произнёс Алекс. — Я не обещаю, что Гильдия не будет мстить. Но я обещаю вам другое. Я предлагаю вам не просто жалованье. Жалованье платят рабам и наёмникам. Я предлагаю вам долю.

Шёпот в толпе стих. Слово «доля» в мире, где всё принадлежало короне или дворянам, звучало странно, почти крамольно.

— С этого дня, — голос Алекса стал жёстче, — каждый, кто работает на новом арсенале, получает десять процентов от стоимости каждой партии стали, которую мы отгружаем для имперской армии. Не фиксированную плату. Не медяки, которые инфляция сожрёт через месяц. А процент от прибыли. Вы будете не просто рабочими. Вы будете пайщиками. Вы будете получать столько, сколько стоит ваш труд, а не столько, сколько Гильдия решит вам бросить, чтобы вы не сдохли с голоду.

Тишина во дворе была абсолютной. Четыреста человек пытались осознать услышанное. Десять процентов. Это были деньги, о которых подмастерья Гильдии могли только мечтать. Это были деньги, которые могли купить дом, землю, свободу.

— Гильдия не даст вам этого, — раздался голос из толпы. Это был высокий мужчина с обожжённым лицом, один из старших плавильщиков. — Гильдия запретит нам брать ваши деньги. Они отлучат нас от церкви, они объявят нас вне закона!

— Гильдия больше не контролирует этот арсенал, — Алекс посмотрел ему прямо в глаза. — Этот арсенал теперь принадлежит военному министерству. А военное министерство подчиняется только императору. Если Гильдия попытается применить к вам санкции, я объявлю их саботажниками военного времени. И тогда их крепости не спасут. Выбирайте. Вы можете уйти с Дитрихом и вернуться в его подвалы. Или вы можете остаться и начать строить мир, в котором мастер ценится за его руки, а не за его печать.

Алекс замолчал и стал ждать. Это был самый трудный момент. Он мог приказать, он мог угрожать, но это не сработало бы. Ему нужно было, чтобы они выбрали сами. Ему нужно было, чтобы они поверили.

Первым шагнул вперёд тот самый высокий плавильщик с обожжённым лицом. Он посмотрел на Алекса, потом на своих товарищей, и кивнул.

— Я остаюсь, милорд, — произнёс он хрипло. — Мне нечего терять.

За ним шагнул второй. Потом третий. Потом десятый. Через минуту половина двора стояла перед помостом. Через две минуты — три четверти.

Алекс посчитал. Из четырёхсот человек триста пятьдесят остались. Пятьдесят, в основном старшие мастера и те, кто был связан с Гильдией кровным родством, молча отвернулись и пошли к воротам.

Среди уходящих был и тот самый подмастерья, чей символ нашли на месте взрыва. Он шёл, опустив голову, и Алекс проводил его взглядом, понимая, что этот человек только что подписал себе смертный приговор. Не от руки Алекса. От руки тех, кому он решил служить.

Ночь в Карлсбурге была холодной и тревожной. Алекс сидел в кабинете, который ему выделили в уцелевшем флигеле арсенала. На столе горела одинокая свеча, освещающая чертежи новых горнов, которые он планировал построить на месте взорванных. Бедро ныло невыносимо, и он был вынужден выпить половину фляги крепкого местного шнапса, чтобы заглушить боль.

Дверь тихо скрипнула, и вошёл Фальк. Он был в мокром плаще, с лица его стекала дождевая вода, но в руках он держал сухой свёрток.

— Думал, вы уже спите, граф, — произнёс Фальк, сбрасывая плащ на стул.

— Сон — это роскошь, которую мы не можем себе позволить, — Алекс отодвинул чертежи. — Что там?

Фальк подошёл к столу и развернул свёрток. Внутри оказался небольшой, туго набитый кошелёк из чёрной кожи. Он был тяжёлым. Фальк развязал шнурок и высыпал содержимое на стол.

На деревянной поверхности с глухим стуком рассыпались золотые монеты. Не имперские талеры с профилем Вольфганга Четвёртого. Это были южные динары. Тяжёлые, чистые, с вычеканенным профилем короля соседнего королевства.

— Где вы это взяли? — Алекс взял одну монету, потер её большим пальцем. Золото было холодным и гладким.

— У того самого подмастерья, который ушёл с Дитрихом, — Фальк сел напротив, его глаза в свете свечи казались тёмными провалами. — Мои люди следили за ним с самого двора. Он не пошёл домой. Он пошёл на окраину, в таверну «Чёрный олень». Там его ждали трое.

— Кто?

— Люди в чёрных плащах. Без гербов, без опознавательных знаков. Но один из них, когда они расплачивались за вино, обронил перчатку. Под ней был ожог. Специфический, круглый. Такой бывает только от рукояти резонансного усилителя.

Алекс сжал монету в кулаке. Золото впилося в ладонь.

— Шталь, — произнёс он тихо.

— Или его агенты, — Фальк кивнул. — Граф не сидит без дела на юге. Он знает, что Гильдия ненавидит вас. И он использует эту ненависть. Он платит им золотом, а они платят ему саботажем. Три печи — это только начало, граф. Если они получают доступ к нашим чертежам, к нашим складам пороха...

— Они не получают, — Алекс перебил его, и в его голосе звенела сталь, заглушающая боль в ноге. — Дитрих думает, что играет в свою игру. Он думает, что защищает свои привилегии. Он не понимает, что его уже купили. Что он стал не хозяином положения, а пешкой Шталя.

— Что будем делать? — Фальк посмотрел на него, ожидая приказа. — Арестовать Дитриха? Конфисковать имущество Гильдии?

Алекс посмотрел на золотые монеты, рассыпанные по столу. Арестовать Дитриха сейчас — значит спровоцировать восстание в Карлсбурге. Гильдия поднимет весь город, ремесленники выйдут на улицы, начнутся баррикады. А ему нужна сталь. Ему нужны пушки. Ему нужно, чтобы арсенал работал.

— Нет, — произнёс Алекс медленно. — Мы не будем их арестовывать. Не сейчас.

— Почему?

— Потому что мёртвый или сидящий в тюрьме Дитрих станет мучеником. А живой, но разоблачённый — станет инструментом. Мы будем знать, кто из них работает на Шталь. Мы будем знать, куда они передают информацию. Мы позволим им думать, что они перехитрили нас. А сами — перекроем каналы.

Он сгрёб монеты в кошелёк и швырнул его обратно Фальку.

— Завтра начинаем восстановление печей. Триста пятьдесят человек. Работаем в три смены. Я лично буду контролировать выплавку первой партии стали. И Эрих...

— Да, граф?

— Удвойте охрану периметра. И найдите мне того, кто носит ожог от резонансного усилителя. Я хочу знать его имя. Я хочу знать, где он спит. И я хочу знать, как он связан со Шталем.

Фальк кивнул, собрал монеты и спрятал их в плащ.

— Будет сделано, милорд. Но вы должны понимать... Гильдия не простит. И южане не остановятся. Вы теперь воюете на два фронта.

Алекс посмотрел в окно, за которым бушевала карлсбургская ночь. Где-то там, на юге, за горами, за перевалами, Шталь собирал свою армию. А здесь, в самом сердце империи, старые элиты продавали её будущее за горсть золотых монет.

— У меня нет другого выбора, Эрих, — произнёс он, и в его голосе не было ни страха, ни сомнений. Только та холодная, расчётливая решимость, которая позволяла ему выживать, когда весь мир сходил с ума. — Война уже началась. Просто некоторые ещё не поняли, что они на поле боя.

ГЛАВА 4. ПИСЬМО ИЗ ВЕРНШТЕЙНА

Ночь в Карлсбурге была не просто тёмной, она была враждебной. Ветер, пробирающийся через щели плохо подогнанных рам временного кабинета на территории арсенала, нёс с собой запах гари, сырой кирпичной пыли и тот едва уловимый, сладковатый смрад, который всегда остаётся после пожара. Алекс сидел за грубым сосновым столом, освещённым единственной чадающей свечой, и пытался сосредоточиться на чертежах новых доменных печей. Но цифры расплывались перед глазами, а бедро ныло с такой тупой, предсказуемой регулярностью, что напоминало о себе лучше любых часов.

Стук в дверь нарушил тишину не резко, а настойчиво, ритмично.

— Войдите, — произнёс Алекс, не поднимая головы от чертежей.

Дверь скрипнула, и на пороге появился не Фальк и не один из армейских адъютантов, а молодой курьер в дорожном, запylённом плаще. В руках он держал небольшой, туго перевязанный бечёвкой свёрток. На сургучной печати, ещё не успевшей полностью остыть, отчётливо виднелся новый герб: серебряный молот на синем поле, окружённый колосьями. Герб графства Верн.

— От госпожи Греты фон Верн, милорд, — курьер низко поклонился, и Алекс заметил, как тот незаметно переносит вес с одной затёкшей ноги на другую. — Спешил без остановок. Сменил четырёх лошадей.

Алекс кивнул, бросил на стол угольный карандаш и взял свёрток. Бечёвка была перерезана ножом с ловкостью, которая выдавала привычку. Он развернул пергамент. Почерк Греты был безупречным, как всегда, каждая буква выведена с той педантичной чёткостью, которая превращала её отчёты в произведения каллиграфии. Но сегодня Алекс заметил то, чего не видел раньше: нажим был слишком сильным, чернила местами размазаны, а в конце строк буквы словно спешили, натываясь друг на друга.

Он начал читать.

«Алекс,

Если ты читаешь это, значит, мои гонимые всё ещё живы, а дороги не перекрыты полностью. У нас кризис, брат. Не военный, пока что, но тот, который может разрушить всё, что мы построили, быстрее, чем армия Штала.

Беженцы с юга идут не сотнями, а тысячами. Они бегут от поборов новых баронов, от голода, от слухов о приближающейся большой войне. Они приходят к нашим границам, и они видят наш Устав. Они видят, что у нас есть еда, что у нас есть работа, что у нас есть права. И они идут к нам.

Но наши люди, Алекс. Те самые крестьяне, ради которых ты писал этот Устав, те, кто ещё полгода назад кланялся каждому всаднику, теперь смотрят на беженцев с ненавистью. Староста деревни Хохдорф, тот самый Мюллер, которого ты сделал лейтенантом, вчера пришёл ко мне с делегацией. Они требуют, чтобы беженцев не селили на лучших землях. Они говорят: "Мы получили свободу первыми. Мы работали на этой земле поколениями. А эти чужаки придут и отнимут у нас последнее, потому что барон им всё раздаст".

Я пыталась объяснить им логику. Я говорила о том, что новые руки нужны на рудниках, что новые рты можно прокормить, если расширить посевы. Но логика не работает, когда люди боятся за свои миски с похлёбкой. Вчера вечером в лагере беженцев подожгли две палатки. Сегодня утром толпа местных крестьян с вилами и косами перекрыла дорогу к складу с зерном, требуя, чтобы я отменила выдачу пайков "бродягам".

Я знаю, что ты напишешь в ответ. Ты напишешь о компромиссе. Ты предложишь дать беженцам статус "временных работников" с правом на получение земли только через год исправной службы. Это разумно. Это логично. Это то, чему тебя учили в твоей прошлой жизни.

Но я прошу тебя: не делай этого. Не присылай мне бюрократических полумер.

Надежда — это не бумага с датой в будущем. Надежда — это горячий суп сегодня. Это крыша над головой tonight. Это знание, что ты уже дома, а не на испытательном сроке. Если мы дадим им год ожидания, они либо умрут от голода и болезней, либо взбунтуются. А если они взбунтуются, местные крестьяне начнут их резать, и наш Устав превратится в клочок бумаги, который мы используем, чтобы разжечь костёр.

Мне нужно решение, Алекс. Не через месяц, когда ты вернёшься. Сейчас. Потому что завтра утром я должна выйти к этой толпе, и мне нужно знать, что я скажу им от твоего имени.»

Алекс отложил пергамент. В кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина, нарушаемая только треском свечи и завыванием ветра за окном.

Его разум, натренированный годами военной службы и инженерного планирования, уже выстроил оптимальное решение. Год испытательного срока. Фильтрационные лагеря. Распределение по рабочим артелям под надзором старых крестьян. Это минимизировало бы риски саботажа, позволило бы плавно интегрировать рабочую силу и не вызвало бы немедленного финансового коллапса графства. Это было правильно. Это было безопасно.

Но он перечитал последнюю фразу письма. *«Надежда — это горячий суп сегодня».*

Он закрыл глаза и увидел не цифры в отчёте, а лица. Лица людей в Вернштейне, которые ещё год назад были готовы продать друг друга за мешок муки. Он дал им Устав не потому, что был добр, а потому, что понимал: сытый, защищённый человек с правами будет драться за свой дом насмерть. А человек, загнанный в угол, предаст любого барона за кусок хлеба. Если он сейчас откажет беженцам, он создаст внутри графства армию отчаявшихся людей, которые станут идеальной вербовочной базой для агентов Шталя.

Алекс потянул к себе чистый лист пергамента, обмакнул перо в чернильницу и начал писать. Не как военный министр, отдающий приказ. А как брат, дающий благословение.

«Грета,

Ты права. Я думал как администратор, а ты смотришь на реальность. Забудь о годе испытательного срока. Это моя ошибка.

Действуй по своему усмотрению. Я даю тебе полные полномочия губернатора. Если нужно раздать земли заброшенных поместий старых баронов-предателей — раздавай. Если нужно выделить зерно из стратегического резерва Вернштейна — выделяй. Если местные старосты или зачинщики беспорядков будут пытаться сорвать интеграцию силой — арестовывай их. Без суда, если потребуется. Я возьму всю ответственность на себя.

Не спрашивай у меня разрешения на каждый шаг. Ты на месте, ты видишь всё своими глазами. Ты знаешь этих людей лучше, чем я. Дай беженцам землю и работу немедленно. Сделай так, чтобы они почувствовали себя частью Верна сегодня, а не завтра.

Держись. Я знаю, что это тяжёлое бремя. Но ты — единственный человек, которому я доверяю удерживать этот мир от распада, пока я воюю здесь.

Алекс».

Он запечатал письмо своей личной печатью, подозвал курьера, вручил ему свёрток и кошелёк с золотыми имперскими талерами — достаточно, чтобы сменить лошадей ещё три раза, не останавливаясь на ночлег.

— Лети, как на крыльях, — сказал Алекс. — От этого письма зависят жизни тысяч людей.

Когда курьер исчез в ночи, Алекс подошёл к окну. Дождь усилился, превращаясь в ледяную крупу. Он прижал лоб к холодному стеклу. Он только что отдал своей сестре право арестовывать и ссылая людей. Он превратил её из администратора в правителя с железной рукой. Он знал, что это необходимо, но от этого знания на душе не становилось легче.

Ответ пришёл через девять дней.

Алекс как раз заканчивал инспекцию первой, с трудом восстановленной печи, когда Фальк вошёл в цех, держа в руках знакомый свёрток. Лицо бывшего разведчика было неприкосновенным, но в глазах читалось уважение.

— От госпожи Греты, милорд. Гонцу пришлось пробираться через патрули Гильдии, но он справился.

Алекс вытер руки о ветошь, отложил молот и вскрыл печать.

«Алекс,

Сделано.

Я не стала ждать. На следующее утро после получения твоего письма я объявила о распределении земель трёх заброшенных поместий фон Кляйнберга среди глав семей беженцев. Одновременно я вызвала в замок старосту деревни Мюллер и пятерых самых громких зачинщиков беспорядков.

Мюллер кричал о традициях и о том, что мы предаём своих. Я не стала спорить. Я просто напомнила ему, что его сын, лейтенант Мюллер, сейчас служит в Вернском полку под твоим командованием, и что любая попытка саботажа будет расценена как измена семье

фон Верн. Затем я отдала приказ гвардии арестовать двоих самых агрессивных зачинщиков, которые поджигали палатки. Их отправили в каменоломни на месяц.

Эффект был мгновенным. Страх перед решительностью оказался сильнее жадности. Местные крестьяне поняли, что Устав защищает не только их, но и требует от них соблюдения порядка. Беженцы, получив землю и инструменты, вышли на работу в тот же день. Сейчас они уже расчищают поля под весенний сев.

Кризис миновал. Графство работает. Производство не упало.

Но есть одно "но", брат.

Ты дал мне власть. Но ты не дал мне права на ошибку. А я — человек. Я ошибаюсь.

Когда я подписывала приказ об аресте тех двоих парней, я знала их отцов. Я знала, что они честные работники, которые просто испугались за свои семьи. Я видела, как их жёны плакали у ворот замка, умоляя о пощаде. Я была тверда. Я не дрогнула. Я сделала то, что было нужно для графства.

Но ночью, когда все засыпают, я сижу у окна и смотрю на эти подписи в книге приказов. Я чувствую тяжесть этой власти. Она давит на плечи сильнее, чем любые мешки с зерном. Я держу крышу над головами тысяч людей, Алекс, но мои руки дрожат.

Я справлюсь. Потому что ты сказал, что веришь в меня. Но, пожалуйста, возвращайся скорее. Мне нужен мой брат. А Ханс... Ханс каждый день спрашивает, когда ты приедешь посмотреть на новую сталь. Он говорит, что кузня без тебя — не кузня, а просто шумная пещера.

Грета».

Алекс медленно сложил пергамент. Он смотрел на знакомые, резкие линии почерка сестры, и в груди у него сжалось что-то тёплое и болезненное одновременно. Она была права. Он дал ей меч, чтобы защищать их дом, но забыл, что мечом нельзя обнять.

Он подошёл к окну цеха. За стеклом, сквозь дым и пар, работали люди. Триста пятьдесят человек, бывшие изгои Гильдии, теперь пайщики, кувалдами вбивали в землю новые сваи. Они пели рабочую песню, и в этом гуле была жизнь. Но Алекс знал, что эта жизнь держится на тонком льду его решений.

— Фальк, — позвал он, не оборачиваясь.

— Я здесь, граф.

— Как продвигается поиск того человека с ожогом?

— Мы вышли на след, — голос Фалька стал тише, профессиональнее. — Он бывает в таверне "Чёрный олень" каждые три дня. Передаёт какие-то свёртки трактирщику. Мы готовы взять его, как только он сделает следующую передачу. Завтра ночью.

— Не берите его, — резко сказал Алекс.

Фальк замер.

— Простите, милорд?

— Не берите его, — повторил Алекс, поворачиваясь. В его глазах не было сомнений. — Пусть он передаст свёрток. Пусть Гильдия думает, что их канал связи работает безупречно. Пусть Шталь думает, что он получает от нас информацию.

— Вы хотите использовать его как дезинформационный канал? — Фальк приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло искреннее восхищение.

— Я хочу, чтобы они знали только то, что я позволю им знать, — Алекс подошёл к столу и провёл пальцем по чертежу новой печи. — Гильдия думает, что она ведёт игру. Шталь думает, что он покупает предателей. Пусть играют. А мы тем временем зальём эти печи такой сталью, что их резонансные пушки будут отскакивать от наших стен, как горох.

Он взял свой плащ и набросил его на плечи, игнорируя протестующую боль в бедре.

— Готовьте ложные чертежи, Эрих. Те, что показывают "уязвимость" в новой системе охлаждения. И подкиньте их нашему "другу" с ожогом завтра ночью.

— Будет сделано, — Фальк кивнул. — Но это опасная игра, граф. Если они поймут, что это ловушка...

— Они не поймут, — Алекс направился к двери. — Потому что глупцы всегда видят в других только то, что хотят видеть. А я иду спать. Завтра мы начинаем плавку.

Он вышел в холодный коридор арсенала, и эхо его шагов смешалось с далёким, ритмичным гулом молотов. Он думал о Грете, дрожащей под тяжестью короны, которую он на неё возложил. Он думал об Ирме, запертой в золотой клетке дворца. И он думал о Хансе, который ждал его в кузне.

У него не было права на ошибку. Ни у него, ни у них. Потому что цена ошибки была слишком высока. И он должен был выиграть эту партию, даже если для этого придётся перевернуть всю доску.

ГЛАВА 5. ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК

Новая доменная печь в Карлсбурге дышала не так, как вернштейнские. Если в родной кузне огонь звучал низким, утробным гулом, напоминавшим о земле и предках, то здесь, на имперском арсенале, пламя ревело с металлическим, почти истерическим свистом, словно сам воздух, насыщенный парами селитры и фосфора, сопротивлялся жаре. Алекс стоял на безопасном расстоянии от раскалённого зева, щурясь от нестерпимого света, и чувствовал, как нога, та самая, в которой до сих пор сидели микроскопические осколки, начинает ныть в такт ударам пневматического молота.

Он уже собирался отдать распоряжение о смене смены, когда Фальк, материализовавшийся из клубов чёрного дыма так бесшумно, что это всегда вызывало у Алекса профессиональное уважение, протянул ему визитную карточку.

Карточка была не простой. Плотный, кремовый картон, тиснённый серебром, с изящным, почти кружевным вензелем. Никаких титулов, никаких регалий. Только имя: *Катерина фон Альт*.

— Она в карете у южных ворот, — ровным голосом произнёс Фальк, пряча карточку обратно в карман камзола. — Говорит, что у неё к вам дело, которое не терпит ни свидетелей, ни протокола. И что если вы не выйдете через пять минут, она уедет, и тогда вам придётся жалеть об этом до конца жизни.

Алекс усмехнулся, вытирая лицо грязной ветошью. Катерина фон Альт не была бы Катериной фон Альт, если бы не использовала театральный эффект как рычаг давления. Он кивнул кочегарам, чтобы те снижали температуру, и, прихрамывая — боль в бедре сегодня была особенно острой, предвещая дождь, — направился к воротам.

Карета стояла в тени кирпичной стены, и когда лакей распахнул дверцу, Алекс увидел, что Катерина не стала ждать, пока ей подадут руку. Она уже стояла на булыжнике мостовой в своём неизменном тёмно-сером дорожном платье, которое, несмотря на копоть и гарь арсенала, выглядело безупречным. В её глазах, тёмных и холодных, как полированный обсидиан, плясали опасные искры.

— Вы пахнете порохом и предательством, граф, — произнесла она вместо приветствия, окидывая взглядом его закопчённый мундир. — Говорят, вы подкупили рабочих Гильдии, пообещав им процент с прибыли. Это либо гениально, либо самоубийственно. Я пока не определилась.

— Добро пожаловать в Карлсбург, баронесса, — Алекс не стал кланяться; в этом месте, среди дымящихся труб и шипящего металла, придворные реверансы выглядели бы нелепо. — Если вы приехали читать мне лекцию о рыночной этике, то боюсь, у меня нет на это времени. Печь остывает, и мне нужно контролировать первую партию.

— Я приехала не за лекциями, — Катерина шагнула ближе, и запах её духов — тяжёлый, с нотами мускуса и горького миндаля — на мгновение перебил запах серы. — Я приехала пред-

ложить вам выход из тупика, в который вы, со всем вашим инженерным гением, неизбежно упрётесь через месяц.

Они вошли в его временный кабинет — небольшую комнату с выбитыми взрывной волной окнами, затянутыми промасленной бумагой. Катерина брезгливо осмотрела грубую сосновую мебель, но села, откинув полы плаща, с той грацией, которая заставляла забыть о её возрасте и происхождении.

— Консерваторы готовят удар, граф, — начала она, не тратя времени на прелюдии. — Фон Вальдбург, фон Кляйнберг и ещё трое баронов, чьи имена вы, вероятно, уже выучили наизусть, собрали достаточно голосов в Тайном совете, чтобы заблокировать ваше финансирование. Они не могут открыто пойти против императора после вашей победы, но они могут задушить вас бюрократией. Задерживать поставки угля, отзываться разрешения на строительство, объявлять ваши чертежи «угрожающими безопасности короны».

Алекс сел напротив, сцепив пальцы на столе. Он знал это. Отчёты Фалька подтверждали каждое её слово. Но он не понимал, зачем она ему это рассказывает.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

— Защиту, — Катерина улыбнулась, и эта улыбка не коснулась глаз. — У меня есть влияние в Тайном совете. У меня есть компромат на фон Вальдбурга, который заставит его молчать, и у меня есть уши при дворе императрицы. Я могу нейтрализовать консерваторов, пока вы занимаетесь своей армией.

— В этом мире ничего не бывает просто так, баронесса, — голос Алекса стал жёстче. — Какова цена вашей защиты?

Катерина наклонилась вперёд, и свет единственной свечи отразился в её зрачках.

— Резонансная сталь, — произнесла она тихо. — Та самая, которую вы производите в Вернштейне и которую теперь пытаетесь клонировать здесь. Я хочу эксклюзивное право на её продажу за пределами Империи. В южные герцогства, в вольные города, даже к варварам за Северным морем. Гильдия контролирует внутренние рынки, но внешняя торговля — это моя вотчина. Вы отдаёте мне монополию на экспорт, а я отдаю вам тылы в столице.

Алекс молчал, взвешивая предложение. Это было чудовищно выгодно для неё. Монополия на резонансную сталь за границей означала не просто богатство; это означало политическое влияние, которое могло бы сравниться с влиянием самого канцлера. Она могла бы покупать королей. Но с другой стороны, без её поддержки он увязнет в столичных интригах, и Шталь получит фору, которой ему хватит, чтобы уничтожить их всех.

— Хорошо, — произнёс Алекс наконец.

Катерина приподняла бровь, явно не ожидая такой быстрой капитуляции.

— Но с одним условием, — продолжил он, не давая ей перехватить инициативу. — Я лично буду «настраивать» каждую партию стали, предназначенную на экспорт. Это необходимо для сохранения её свойств при длительной транспортировке. Никто, кроме меня, не будет касаться слитков до их отгрузки.

— Разумеется, граф, — Катерина легко кивнула, не заподозрив подвоха. Для неё это была просто каприз мастера, гарантирующий качество товара. — Мы ударили по рукам?

Она протянула руку. Алекс вложил в неё свою ладонь — грубую, в мозолях и мелких ожогах, контрастирующую с её бледной, ухоженной кожей. Её кольцо с холодным сапфиром впилось ему в пальцы.

— Мы ударили по рукам, баронесса, — сказал он.

Когда её карета уехала, увозя с собой запахи миндаля и скрытой угрозы, Алекс остался стоять у разбитого окна, глядя, как она исчезает в лабиринте карлсбургских улиц.

— Вы доверяете ей? — Фальк вышел из тени угла, где стоял всё это время, сливаясь с пылью и копотью.

— Я доверяю только тем, кто стреляет мне в спину открыто, Эрих, — Алекс повернулся к нему. — Катерина продаст нас при первой же возможности, если это принесёт ей выгоду. Но сейчас ей выгоднее, чтобы мы победили Штalia. А значит, она будет работать на нас. Пока.

— А условие про «настройку» стали?

Алекс подошёл к столу, на котором лежал небольшой, идеально отполированный слиток резонансной стали, приготовленный для демонстрации. Он положил на него обе ладони и закрыл глаза.

Мир вокруг исчез. Осталась только структура. Кристаллическая решётка металла, плотная, упругая, живая. Алекс не стал менять её; он просто нашёл в самом центре слитка, в микроскопической пустоте между атомами, уязвимое место и мягко, почти нежно, сдвинул углеродное волокно, создавая крошечный, невидимый глазу узор. Это не была поломка. Это была метка. Резонансный маяк, который будет откликаться только на его собственную частоту, где бы этот слиток ни оказался — в сундуке купца, в арсенале варварского вождя или в тайной кузнице южного короля.

Открыв глаза, он почувствовал, как из носа выступила капля крови. Использование Резонанса для такой тонкой работы, особенно с учётом его текущего истощения, всегда било по нервной системе. Он вытер лицо тыльной стороной ладони.

— Теперь мы будем знать, куда течёт наша сталь, — произнёс он хрипло. — И если она потечёт к Шталию, я узнаю об этом раньше, чем баронесса успеет потратить свою первую монету.

Фальк кивнул, принимая эту холодную, расчётливую жестокость как должное. Но прежде чем он успел что-то сказать, дверь кабинета снова скрипнула. Вошёл один из полевых агентов разведки, молодой парень с лицом, покрытым дорожной пылью.

— Милорд, — агент запыхался, кланяясь. — Мы взяли под наблюдение барона фон Вальдбурга. Того самого, что ужинал с генералом Гогенцоллерном.

— И? — Алекс нахмурился, откладывая слиток.

— Вчера ночью он выезжал из столицы. Не в своё поместье. Он направился на юг, в сторону пограничных перевалов. С ним был человек в чёрном плаще. Наш человек успел рассмотреть только одно: на перстне этого человека был выгравирован чёрный орёл на красном поле.

Алекс медленно выдохнул. Чёрный орёл на красном поле. Герб Штalia.

Катерина фон Альт только что предложила ему защиту от консерваторов, и один из этих самых консерваторов, её политический союзник, только что был замечен в связях с человеком, который пытался уничтожить Империю.

— Эрих, — произнёс Алекс, и в его голосе не было ни гнева, ни удивления. Только та ледяная ясность, которая наступала у него перед принятием самых тяжёлых решений. — Прикажи людям не трогать фон Вальдбурга. Пусть едет. Пусть встречается с кем хочет.

— Но, граф...

— Мы не охотимся на мелкую дичь, Фальк, — Алекс подошёл к столу и развернул карту Империи, проводя пальцем вдоль южной границы. — Мы позволяем им думать, что они плетут паутину. А сами — смотрим, кто стоит за пауком. Баронесса Катерина играет в свою игру. Что ж. Посмотрим, чья игра закончится первой.

ГЛАВА 6. ПЕРВЫЙ АРСЕНАЛ

Алекс стоял в центре главного сборочного зала, залитого бледным, фильтрующимся через запылённые стёкла светом, и медленно, методично обводил взглядом ряды верстаков. Тишина пугала его. Воздух здесь пах холодной канифолью, машинным маслом и тем специфическим, кисловатым запахом человеческого страха, который Алекс, майор инженерных войск, научился распознавать ещё на полигонах в своей прошлой жизни, когда бригада сапёров часами не могла решиться подойти к подозрительному люку.

На верстаках, покрытых слоем мелкой железной стружки, лежали они — стальные болванки, прошедшие идеальную закалку и подготовленные к самому важному этапу. Рядом, на специальных деревянных подставках, покоились инструменты: направляющие штанги с закалёнными резцами, которые Алекс собственноручно чертил по ночам, мучая местных кузнецов требованиями к микронной точности. Но ни один резец не касался металла. Ни один станок не вращался.

Мастера Гильдии, человек двадцать, стояли вдоль стены, сложив руки на груди. Они не смотрели на графа в глаза; их взгляды были прикованы к сапогам, к полу, к потолку, но только не к нему. В этой демонстративной покорности читался вызов, настолько прозрачный, что его мог бы заметить даже самый неопытный политик.

— Мне сказали, что работа остановилась, мастер Горман, — произнёс Алекс. Его голос не был громким, но в каменном зале он разнёсся чётко, без эха, разрезая густую, напряжённую тишину.

Старший мастер, коренастый мужчина с шрамом, пересекающим лысую голову, сделал шаг вперёд. Он поклонился, но в этом поклоне не было и тени подобострастия; скорее, это был жест человека, который собирается сообщить о неизбежной и неподвластной ему силе природы.

— Милорд, мы честные ремесленники, — начал Горман, его голос звучал ровно, отрепетированно. — Мы умеем ковать плуги, подковы и пушечные ядра. Мы знаем, как слушать огонь и как чувствовать наковальню. Но то, что вы требуете от нас... эти спиральные канавки внутри ствола. Это противоречит природе железа. Резец срывается, металл рвётся, заготовки трескаются при первых же выстрелах. Мы не колдуны, граф. Мы не можем заставить сталь делать то, чего она не хочет.

Алекс смотрел на него и чувствовал, как в бедре, там, где под кожей до сих пор оставались микроскопические осколки, разливается тупая, ноющая боль. Погода менялась, давление падало, и тело, изношенное войной и перенапряжением Резонанса, реагировало на каждую перемену. Он мог бы приказать. Мог бы вызвать гвардию, арестовать Гормана за саботаж, повесить пару подмастерьев на воротах для острастки. В этой империи так поступали постоянно, и это работало — до следующего бунта.

Но Алекс был не дворянином, воспитанным на кодексах чести и феодальном праве. Он был инженером. И когда машина не работала, инженер не вешал механика; он брал в руки разводной ключ.

— Природа железа, мастер Горман, подчиняется законам физики, а не предрассудкам Гильдии, — сказал Алекс, медленно расстёгивая пуговицы своего парадного мундира. — Снимите с меня сюртук, Эрих, — бросил он через плечо, не отрывая взгляда от Гормана.

Фальк, стоявший в тени у двери, не выразил никаких эмоций. Он просто шагнул вперёд, принял тяжёлый, расшитый серебром мундир военного министра, освободив Алекса от парадной мишуры. Под мундиром была простая льняная рубашка, уже успевшая пропитаться запахом пота и пороха. Алекс закатал рукава до локтей, обнажая руки, которые не соответствовали титулу графа: шрамы от ожогов, мозоли от молота, белые шрамы от осколков.

— Отойдите, — коротко бросил он мастерам.

Те замаялись, переглянувшись. Горман открыл рот, чтобы возразить, но Алекс уже стоял у верстака. Он взял в руки тяжёлую стальную болванку, чувствуя её вес, её холодную, враждебную инертность. Затем он взял направляющую штангу с резцом.

Он не стал использовать Резонанс открыто. Никаких свечений, никаких магических вибраций, которые могли бы напугать суеверных кузнецов. Он использовал его так, как сапёр использует миноискатель: скрытно, глубоко, на пределе чувствительности. Закрыв на секунду глаза, Алекс скользнул вниманием внутрь кристаллической решётки заготовки. Он нашёл микроскопические пустоты, направления внутренних напряжений, места, где углеродные волокна

были переплетены наиболее плотно. Он не ломал металл; он договаривался с ним, находя единственно верный угол для резца, который позволит стали принять новую форму без сопротивления.

Открыв глаза, он закрепил болванку в тисках, ввёл направляющую в дульную часть и начал вращать рукоять.

Шииих. Шииих. Шииих.

Звук был ровным, почти музыкальным. Резец, смазанный специальным составом из сала и графита, снимал тончайшую стружку, оставляя за собой идеальную, зеркальную канавку. Алекс чувствовал каждый микрометр, каждый виток. Его мышцы напряглись, пот выступил на лбу, но рука оставалась твёрдой, как скальная порода. Он задавал шаг нарезов, он задавал угол закрутки, он вкладывал в металл не магию, а знание баллистики, которое в этом мире ещё не было открыто.

Мастера перестали переминаться с ноги на ногу. Они подошли ближе, забыв о субординации. Они смотрели не на графа, а на резец. Они видели, как сталь, которая ещё вчера «рвалась и трескалась» в их руках, теперь покорно раскрывается, принимая сложную, совершенную геометрию. В их глазах, затуманенных годами догм и гильдейских уставов, проступало то самое чувство, которое Алекс знал лучше всего: страх перед непониманием, сменяющийся жадным, голодным любопытством.

Среди них выделялся один. Молодой парень, лет девятнадцати, не больше. Лицо его было в саже, а на левой руке, от запястья до локтя, тянулся старый, грубый ожог — след от случайного касания раскалённой заготовки. Он не отводил взгляда от рук Алекса, его губы беззвучно шевелились, словно он мысленно повторял движения графа.

Работа заняла почти два часа. Когда Алекс наконец вынул штангу и продёл через ствол калибр, тот прошёл насквозь, не зацепившись ни за единый выступ. Ствол был готов.

Алекс выпрямился, вытирая лоб тыльной стороной ладони. Дыхание его было сбито, бедро горело огнём, но он не подал виду. Он посмотрел на мастеров.

— Железо не хочет принимать форму только тогда, когда вы заставляете его делать это вслепую, — произнёс он, глядя прямо в глаза Горману. — Вы не колдуны. Вы просто перестали смотреть.

Горман молчал. Его каменное лицо дрогнуло, и он медленно, почти незаметно, опустил голову. Это было не поражение; это было признание авторитета, которого нельзя было поддаться или оспорить.

Алекс перевёл взгляд на молодого парня с ожогом.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Парень вздрогнул, словно его окликнули из другого мира. — Петер, милорд. Петер Вайс. Подмастерье третьего года.

— Петер, — Алекс кивнул на верстак. — Возьми следующую заготовку. Закрепи её. Я буду стоять рядом, но крутить рукоять будешь ты.

Мастера ахнули. Горман сделал шаг вперёд, но Петер уже двигался. В его глазах горел тот огонь, который не гаснет ни в одном подмастерье, который только-только понял, что мир гораздо больше, чем стены его родной кузни. Он закрепил болванку, взял штангу, посмотрел на Алекса, ожидая команды.

Алекс положил свою руку поверх руки парня. Он не давил, он просто направлял. — Чувствуешь, как металл сопротивляется на третьем дюйме? Там внутреннее напряжение. Сделай подачу резца на полмиллиметра меньше. И не торопись. Дай стали остыть в точке касания.

Петер кивнул, его дыхание выровнялось. Он начал вращать. *Шииих. Шииих.* У него не получилось с первого раза — резец чуть не сорвался, но Алекс мягким движением скорректировал угол, и парень тут же понял свою ошибку, исправив её без единого слова.

Когда Петер закончил, он стоял, тяжело дыша, его рубашка промокла от пота так, словно он только что вышел из реки. Он посмотрел на свой ствол, потом на свои руки, потом на графа.

— Граф, — тихо произнёс Петер, и в его голосе звучало не почтение, а искреннее, детское изумление. — Откуда вы это знаете? Вас этому не учили. Ни в одной академии империи нет таких методов.

Алекс смотрел на парня и на мгновение почувствовал укол той самой, старой тоски по миру, которого больше не существовало. По чертёжным залам, по лекциям в военном училище, по запаху антистатической пыли в серверных.

— Меня учили в другом месте, Петер, — ответил он ровно. — В месте, где железо считается не даром богов, а материалом, который ждёт, когда инженер скажет ему, что делать. Запомни это.

Испытания начались в полдень, на полигоне за городской чертой, где гильдейские стрелки обычно пристреливали гладкоствольные мушкеты. Небо было серым, низким, и мелкий, противный дождь превращал пыль на стрельбище в липкую грязь. Но это не остановило никого. На полигон пришли все: и мастера, и подмастерья, и даже магистрат Карлсбурга, которого Фальк, по молчаливому согласию Алекса, «пригласил» для наблюдения.

Ствол Петера был установлен на тяжёлый дубовый лафет. Мишень — деревянный щит с нарисованным углём кругом — стояла на расстоянии двухсот шагов. Для гладкоствольного мушкета это было расстояние уверенного промаха; пуля, вылетая из ровной трубы, начинала кувыркаться в воздухе уже через пятьдесят шагов, теряя убойную силу и точность.

— Заряжай, — скомандовал Алекс.

Петер, чьи руки до сих пор слегка дрожали, аккуратно вбил пыж, засыпал отмеренную порцию пороха и забил свинцовую пулю, которая, благодаря идеальным нарезам, вошла в ствол с лёгким, плотным щелчком, идеально повторяющим геометрию канала. Он поднёс фитиль к полке, прижал приклад к плечу и зажмурился.

— Не жмурься, — тихо сказал Алекс, стоящий рядом. — Смотри на цель. Дыши ровно. Выдох — и спуск.

Петер открыл глаза. Выдохнул. Нажал.

Грохот стоял такой, что магистрат взвизгнул и закрыл уши руками. Клубок белого дыма на мгновение скрыл лафет. Когда ветер разогнал дым, Алекс не стал сразу смотреть в подозрительную трубу. Он смотрел на Петера.

Парень стоял, выпучив глаза. Он медленно опустил мушкет, его рот был приоткрыт, а по щеке, грязной от сажи и дождя, текла чистая, светлая слеза. Он не вытирал её; он просто смотрел на мишень.

Алекс поднял трубу. Двести шагов. В самом центре нарисованного круга, расщепив угольную линию надвое, сидела свинцовая пуля. Вокруг неё, на расстоянии не более ладони, лежали ещё две пули из предыдущих, пристрелочных выстрелов. Кучность, о которой имперские генералы могли только молиться богам войны.

— Мы попали, милорд... — прошептал Петер, и его голос сорвался на хрип. — Мы попали в самое сердце.

— Это не мы попали, Петер, — Алекс опустил трубу и положил тяжёлую руку на плечо парня. — Это ты сделал ствол, который не позволил пуле уйти в сторону. Ты дал ей путь. Запомни это чувство. Запомни, как оно пахнет и как оно звучит. Потому что завтра ты сделаешь ещё один. И послезавтра. И так до тех пор, пока наши печи не начнут дымить так, что в столице будет темно днём.

Мастера молчали. Горман подошёл к мишени, провёл пальцем по расщеплённой пуле, затем повернулся к Алексу. В его взгляде больше не было саботажа. Там был расчёт. Он был

ремесленником, и он понял то, что не могли понять политики: этот человек не просто знал секреты. Этот человек мог превратить железо в золото, и тот, кто будет стоять рядом с ним, никогда не останется бедным.

— Мы начнём вторую смену, граф, — глухо произнёс Горман. — Нам нужно переточить резцы. Петер покажет нам, как правильно держать угол.

Алекс кивнул. Он смотрел, как мастера окружают Петера, как они начинают спорить, жестикулировать, обсуждать технологию. В этот момент он понял одну простую, но фундаментальную вещь, которую часто забывали в его прошлой жизни, заменяя её корпоративными тренингами. Люди не работают за идею, когда они голодны и напуганы. Но если дать им в руки совершенство, если позволить им прикоснуться к чуду и сказать: «Это сделал ты», — они свернут горы. Они будут работать до крови на пальцах, лишь бы снова почувствовать этот триумф.

Вечер в кабинете арсенала был тихим. Дождь барабанил по выбитым стёклам, а на столе, освещённом двумя керосиновыми лампами, лежали свитки с цифрами. Первая партия стволов была запущена в производство. Гильдия, почуяв запах денег и новой власти, внезапно оказалась невероятно сговорчивой. Алекс писал отчёт для канцлера, тщательно подбирая слова, чтобы не дать столице повода для паники, но и не позволить консерваторам приуменьшить масштабы успеха.

Бедро ныло невыносимо. Использование Резонанса, даже скрытного, выжигало нервную систему, оставляя после себя ощущение, будто по венам пропустили расплавленный свинец. Алекс отложил перо, потереть виски, и в этот момент в дверь тихо постучали.

— Войдите, — произнёс он, не поднимая головы.

Дверь скрипнула, и на пороге появился Петер. Он всё ещё был в рабочей одежде, от него пахло машинным маслом и горячим железом, но в руках он сжимал не молот, а небольшой, туго свёрнутый кусок пергамента. Парень выглядел взволнованным; он переминался с ноги на ногу, словно боялся, что его прогонят.

— Милорд, — Петер поклонился, и его голос дрогнул. — Простите, что беспокою. Мастер Горман сказал, что вы заняты, но... я должен был вам это рассказать. Я не знал, кому ещё можно доверять.

Алекс откинулся на спинку стула, жестом указывая на табурет у стола. — Говори, Петер. Что случилось?

Парень не сел. Он сглотнул, оглянулся на закрытую дверь, словно боясь, что стены имеют уши, и шагнул ближе к свету ламп.

— Сегодня вечером, после того как вы ушли в кабинет, я вернулся в кузницу. Я хотел попробовать заточить резец так, как вы показали, чтобы завтра не задерживать смену. И я увидел мастера Вольфа Дитриха. Он был не один.

Алекс медленно выпрямился. Боль в бедре отступила на второй план, уступая место холодной, профессиональной концентрации.

— Кто был с ним?

— Трое мужчин, милорд. Они не были похожи на кузнецов. У них не было мозолей, и плащи были слишком хороши для подмастерьев Гильдии. Чёрная шерсть, без единого пятна, без гербов. Они стояли у задней двери, в тени. Я спрятался за мешками с углём и слышал, как они говорили.

Петер протянул пергамент. — Один из них передал Дитриху вот это. Это был план. План расположения наших новых складов с селитрой на северной окраине. И ещё они говорили о вас, милорд. Они сказали, что если вы не остановитесь, они сожгут не только печи, но и дом, где вы живёте. Дитрих колебался, но один из мужчин... он достал кошелек. Там было золото. Не имперские талеры. Южные динары.

Алекс взял пергамент, не разворачивая. Он посмотрел на Петера, на его испачканное сажей лицо, на горящие глаза. Парень рисковал жизнью. Если бы Дитрих или его гости заметили его, Петер не дожил бы до утра.

— Почему ты пришёл ко мне, Петер? — тихо спросил Алекс. — Ты мог бы пойти к магистрату. Или к командиру городской стражи.

— Потому что стража покупается Гильдией, милорд, — честно ответил парень. — А магистрат боится своей тени. Вы сегодня показали мне, как заставить сталь слушаться. Я понял, что вы — единственный в этом городе, кто не боится. И я хочу работать на вас. Не за проценты. За то, чтобы увидеть, как вы сломаете их всех.

Алекс смотрел на парня и чувствовал, как в груди разливается странное, тёплое чувство, которое он давно не испытывал. В его прошлой жизни это называлось лояльностью. В этой империи это называлось преданностью вассала. Но здесь, в этом пропитанном гарью городе, это было чем-то большим. Это была вера.

— Ты сделал доброе дело, Петер, — произнёс Алекс, пряча пергамент во внутренний карман рубашки. — И ты рисковал жизнью. Запомни: с этого дня ты не просто подмастерье. Ты — мой личный помощник на арсенале. Твоя смена заканчивается на час раньше, чтобы ты мог отдыхать. И если кто-то из людей Дитриха посмеет косо на тебя посмотреть, ты придёшь прямо ко мне. Понял?

Петер кивнул, его глаза блеснули. — Понял, милорд.

— Иди спать. Завтра у нас будет много работы.

Когда дверь за парнем закрылась, Алекс остался сидеть в тишине, слушая, как дождь хлещет по стёклам. Он достал пергамент, развернул его. Чёткие, аккуратные чертежи складов. Южные динары. Люди в чёрных плащах.

Шталь не просто собирал армию на юге. Он уже был здесь, в Карлсбурге, в тени гильдейских крепостей, покупая тех, кто считал себя хозяевами этого города. Гильдия думала, что ведёт войну за свои привилегии. Они не понимали, что давно стали лишь расходным материалом в чужой игре.

Алекс встал, подошёл к окну и посмотрел в темноту, где вдалеке, за крышами домов, тлели красные огоньки доменных печей. Они начали производить сталь. Они начали побеждать. И именно сейчас, в этот самый момент, враг понял, что время мирных интриг закончилось.

Он вернулся к столу, взял чистый лист и начал писать приказ Фальку. Завтра охота начнётся не на кузнецов. Завтра они начнут выкуривать призраков из их нор. И у Алекса, майора инженерных войск, был для них подготовлен очень неприятный сюрприз, который заставил бы южное золото плавиться быстрее, чем любая сталь.

ГЛАВА 7. УБИЙСТВО

Резиденция военного министра в Карлсбурге представляла собой переделанный особняк бывшего купца, конфискованный казной после одного из тех скандалов, которыми славилась имперская бюрократия. Трёхэтажное здание из жёлтого камня, с узкими окнами и тяжёлой дубовой дверью, стояло в тихом квартале, в двух улицах от арсенала, и Алекс выбрал его именно за эту близость — когда ты спишь по три часа в сутки, каждая минута пути имеет значение.

Он вернулся поздно. Дождь, который моросил весь день, наконец-то утих, оставив после себя тяжёлый, сырой воздух и блестящую от воды брусчатку. Фонари на улицах горели тускло, их жёлтый свет едва пробивался сквозь туман, стелющийся над мостовой, и тени в переулках казались гуще, глубже, чем должны были быть. Алекс шёл пешком, отпустив карету — нога ныла так, что любая тряска казалась пыткой, а свежий воздух, пропитанный запахом мокрого камня и угольного дыма, обещал хотя бы временное облегчение. Фальк шёл в трёх шагах

позади, бесшумный, как тень, его рука лежала на рукояти кортика под плащом. Это было не позой и не демонстрацией — это было привычкой человека, который двадцать лет провёл в имперской разведке и который знал: ночь в Карлсбурге не прощает беспечности.

Улица, на которой стояла резиденция, была пуста. Слишком пуста для этого часа, слишком пуста для квартала, где обычно сновали ночные торговцы, проститутки и пьяные подмастерья, возвращающиеся из таверн. Алекс остановился у угла, прислушиваясь. Где-то вдалеке лаяла собака. Где-то скрипела вывеска трактира. Но здесь, на этой короткой улице, царила та особенная, ватная тишина, которая бывает только тогда, когда люди заранее убрались прочь, зная, что скоро здесь будет не до прогулок.

— Эрих, — произнёс Алекс тихо, не оборачиваясь.

— Я вижу, граф, — голос Фалька был ровным, но в нём уже звенело то напряжение, которое Алекс научился распознавать лучше, чем любые слова. — Окно на втором этаже не закрыто. А должно быть. Я сам закрывал сегодня утром.

Алекс посмотрел вверх. Действительно, одно из окон его кабинета, то, что выходило на улицу, было приоткрыто, и тёмная щель зияла в жёлтом камне, как пустая глазница. Слуги, которых он оставил — старый камердинер и две горничные, — никогда не оставляли окна открытыми. Они знали: граф не любит сквозняков, граф ценит порядок.

— Сзади есть кто-то? — спросил Алекс, продолжая смотреть на окно.

— Трое. У служебного входа. Ждут. — Пауза. — И ещё двое на крыше соседнего дома. С арбалетами.

Алекс медленно выдохнул. Шесть человек. Профессионалы. Не уличные бандиты, которые бросились бы в атаку с криком и ножами. Профессионалы, которые окружают цель, отрезают пути отхода и ждут сигнала. Это была работа гильдии убийц, той самой, которую содержали самые богатые купцы Карлсбурга для устранения конкурентов. Работа дорогая, работа чистая, работа, после которой не оставалось свидетелей.

— Что делаем? — Фальк шагнул ближе, его голос был почти неслышен.

Алекс оценил ситуацию за секунду. Шесть против двух. Но эти двое были он и Фальк — человек, который в прошлой жизни планировал операции, и человек, который в этой жизни убивал людей голыми руками в трёх разных войнах. Улица узкая, длинная, с двумя переулками по бокам. Если они пойдут вперёд, к двери резиденции, арбалетчики на крыше снимут их, как уток. Если повернут назад — наткнутся на троих у служебного входа.

Но была одна деталь, которую убийцы не учли. Они не знали, что Алекс фон Верн — это не просто граф в парадном мундире. Они не знали, что под этим мундиром — тело, прошедшее через ад укрепрайона «Молот», тело, которое помнит, как это — умирать и возвращаться. Они не знали, что Фальк — это не просто телохранитель, а бывший офицер разведки, который знает каждый переулок этого города.

— Идём вперёд, — произнёс Алекс ровно. — Быстро. К двери. Когда я начну открывать замок, ты уходишь в переулок слева.

— Граф, это...

— Я не собираюсь входить внутрь, Эрих. Я собираюсь дать им повод выдвинуться. А потом мы посмотрим, кто они такие.

Они пошли. Быстро, но не бегом — бег выдал бы панику, а им нужна была иллюзия спокойствия. Алекс слышал, как его сапоги чавкают по мокрой брусчатке, как его дыхание вырывается белыми клубами в холодном воздухе. Он чувствовал, как бедро пульсирует в такт шагам, как осколки внутри мышцы напоминают о себе с каждым движением. Но он не думал о боли. Он думал о том, что через три секунды они будут у двери, через пять — он наклонится к замку, и в этот момент арбалетчики на крыше поймут, что что-то не так.

Они были в двух шагах от двери, когда первый болт ударил в брусчатку в футах от его ноги. Звук был сухим, коротким — *вжжжжж* — и Алекс, не останавливаясь, дёрнул дверь на

себя, нырнул внутрь, захлопнул за собой и повернул ключ. Фалька уже не было — он исчез в переулке так бесшумно, что Алекс, даже зная, где тот должен быть, на мгновение потерял его из виду.

Внутри было темно. Слуги, видимо, были связаны или убиты — Алекс не стал проверять, не сейчас. Он стоял у двери, прижавшись спиной к стене, слушая. Снаружи — голоса. Тихие, профессиональные, без криков и паники.

— Он внутри. Один. Выбиваем дверь.

Алекс усмехнулся. Один. Они думали, что он один. Это была их первая ошибка.

Дверь затрещала под ударами тарана — тяжёлого бревна, которое, видимо, притащили с собой. Дерево стонало, петли скрипели, но дубовая дверь, окованная железом, держала. Пока держала. Алекс отступил вглубь прихожей, нашёл в темноте каминную кочергу — тяжёлую, чугунную, с рукоятью, обмотанной кожей. Не меч, не шпага, но для ближнего боя сойдёт.

Второй удар. Дверь подалась. Третий — и она рухнула внутрь, обрушившись на пол с грохотом, который разнёсся по всему дому. В проёме появились силуэты — трое, в чёрных плащах, с короткими мечами в руках. Они двигались быстро, слаженно, как люди, которые делали это десятки раз.

Первый вошёл в прихожую, и Алекс, не раздумывая, метнул кочергу. Чугунный прут ударил его в висок с хрустом, который Алекс услышал даже сквозь стук собственного сердца. Мужчина упал, не издав звука. Второй, не останавливаясь, перепрыгнул через падающего товарища и бросился на Алекса.

Алекс отступил, чувствуя, как бедро вспыхивает болью от резкого движения. Меч убийцы просвистел в дюйме от его лица, рассекая воздух. Алекс поймал руку противника, вывернул, услышал хруст — и ударил коленом в пах. Мужчина согнулся, и Алекс, не теряя времени, ударил его локтем в затылок. Второй упал.

Третий был уже здесь. Он не бросился в атаку, как первые двое. Он стоял в дверях, с мечом наготове, и смотрел на Алекса с тем холодным, профессиональным интересом, который бывает у людей, оценивающих противника. Это был не наёмник. Это был мастер.

— Граф фон Верн, — произнёс он, и в его голосе не было ни страха, ни уважения. Только констатация. — Вы дерётесь лучше, чем говорят.

— А ты говоришь больше, чем нужно, — Алекс вытер кровь с разбитой губы тыльной стороной ладони. — Кто вас послал?

Мужчина усмехнулся.

— Вы узнаете, граф. Но не сейчас.

Он бросился в атаку. Быстро. Слишком быстро для человека в тяжёлом плаще. Меч мелькал, как молния, и Алекс, отступая, чувствовал, как лезвие рассекает воздух в миллиметре от его горла. Он не мог победить в открытом бою — противник был моложе, быстрее, опытнее. Но Алекс был не просто воином. Он был инженером. И когда машина не работала, он не ломал её — он находил слабое место.

Он отступил к лестнице, споткнулся — намеренно — и упал на спину. Убийца, увидев возможность, бросился вперёд, чтобы добить. И в этот момент Алекс, лёжа на полу, ударил ногой в колено противника. Хруст был громким, и мужчина закричал — впервые за весь бой. Его меч выпал, и Алекс, перекатившись, поднял его и приставил остриё к горлу убийцы.

— Кто вас послал? — повторил он, и в его голосе не было ни гнева, ни торжества. Только сталь.

Мужчина посмотрел на него, и в его глазах проступило что-то похожее на уважение.

— Вы... не такой, как все, — произнёс он, и Алекс понял, что он говорит на южном наречии. — Вы... настоящий.

— Кто вас послал? — Алекс надавил на горло, и капля крови выступила под лезвием.

— Гильдия, — выдохнул убийца. — И... те, кто платит золотом. Южным золотом.

Алекс кивнул. Он уже знал это. Но ему нужно было услышать это вслух.

— Кто? Кто платит?

Мужчина усмехнулся, и в этой усмешке была та гордость, которая бывает у профессионалов, знающих, что они умрут, но не сдадут своих.

— Вы... не узнаете, граф. Потому что... вы умрёте здесь.

Он дёрнулся, и Алекс, не удержав равновесия, упал на него. Меч выпал, и убийца, воспользовавшись моментом, ударил головой в лицо Алекса. Кровь хлынула из носа, и Алекс, ослеплённый болью, откатился в сторону. Убийца поднялся, схватил свой меч — и в этот момент дверь за его спиной распахнулась, и Фальк, бесшумный, как тень, вошёл внутрь.

Один выстрел из пистоля. Глухой, короткий. Убийца дёрнулся и упал, с дырой в затылке.

Алекс сидел на полу, вытирая кровь с лица, и смотрел на Фалька, который, не тратя времени на слова, начал обыскивать тела.

— Двое с крыши ушли, — произнёс Фальк, не поднимая головы. — Арбалетчики. Профессионалы. Я не стал их преследовать — там могли быть ещё.

— Сколько у нас? — Алекс встал, преодолевая боль в ноге и в разбитом лице.

— Трое мёртвых. Один... — Фальк кивнул на первого, которого Алекс ударил кочергой. — Жив. Но ненадолго.

Алекс подошёл к нему. Мужчина лежал на спине, с разбитым виском, и дышал тяжело, хрипло. Его глаза были открыты, но он не двигался.

— Сколько тебе платили? — спросил Алекс, присев рядом.

Мужчина посмотрел на него, и в его глазах не было ни страха, ни боли. Только та пустота, которая бывает у людей, знающих, что они уже мертвы.

— Сто... динаров, — прохрипел он. — За... голову.

— Кто платил?

Мужчина усмехнулся, и кровь выступила на его губах.

— Вы... не узнаете...

Алекс посмотрел на Фалька.

— Принеси воды. И соли.

Фальк кивнул и исчез. Алекс остался с умирающим, и он знал, что у него есть минуты, прежде чем тот потеряет сознание или умрёт.

— Послушай меня, — произнёс Алекс тихо. — Ты умрёшь. Это неизбежно. Но ты можешь умереть быстро. Или ты можешь умереть медленно. Я могу сделать так, что твоя смерть будет длиться часами. Я могу сделать так, что ты будешь кричать так, что весь квартал проснётся. Или ты можешь сказать мне то, что я хочу знать, и я дам тебе быстрый конец. Выбирай.

Мужчина посмотрел на него, и в его глазах проступило что-то похожее на страх. Не страх смерти — он уже принял смерть. Страх боли.

— Барон... фон Вальдбург, — выдохнул он наконец. — И... граф Шталь. Они... работают вместе.

— Где встреча?

— В... таверне... «Чёрный олень». Завтра... в полночь.

Алекс кивнул. Этого было достаточно.

— Спасибо, — произнёс он, и в его голосе не было ни гнева, ни презрения. Только благодарность.

Он достал из кармана маленький, острый кинжал — тот самый, который носил с собой с тех пор, как пережил первое покушение, — и одним быстрым движением перерезал горло убийцы. Быстро. Чисто. Без мучений.

Фальк вернулся с водой, но было уже поздно. Он посмотрел на тело, потом на Алекса, и в его глазах проступило что-то похожее на уважение.

— Вы могли бы получить больше информации, граф.

— Я получил достаточно, — Алекс встал, вытирая кинжал о плащ убитого. — И я не варвар, Эрих. Я не мучаю тех, кто уже мёртв.

Они обыскали тела. Кошельки с южными динарами. Кинжалы с выгравированными символами Гильдии. И — у того, кого Алекс ранил первым — небольшой, туго свёрнутый пергамент. Алекс развернул его. Это был план резиденции. Точный, детальный, с указанием расположения комнат, лестниц, окон. И с пометкой: «Цель спит в кабинете на втором этаже. Окно не закрывает».

— Они знали, — произнёс Алекс, сжимая пергамент в кулаке. — Они знали, что я не закрываю окно.

— Значит, среди слуг есть предатель, — Фальк кивнул. — Или среди тех, кто имеет доступ к резиденции.

— Найди его, — Алекс направился к лестнице. — И найди быстро. Потому что завтра ночью мы идём в «Чёрный олень». И я хочу знать, кто там будет.

Допрос камердинера — старого, седого человека, который служил ещё прежнему хозяину дома — занял меньше часа. Фальк работал профессионально, без криков и угроз, и через сорок минут камердинер, дрожащий, бледный, признался: он получил письмо с приказом оставить окно открытым. Письмо было подписано печатью военного министерства. Поддельной, но достаточно искусной, чтобы обмануть старого слугу.

— Кто передал письмо? — спросил Алекс, стоя над ним.

— Ку... курьер, милорд, — камердинер заикался от страха. — Молодой парень. В мундире министерства. Я... я не спросил имени...

— Как он выглядел?

— Высокий... худой... с шрамом на щеке...

Алекс посмотрел на Фалька. Тот кивнул.

— Это человек фон Вальдбурга, — произнёс Фальк тихо. — Один из его личных адъютантов.

Алекс кивнул. Картина складывалась. Фон Вальдбург, консерватор, барон, который подал на него доклад императору, который ужинал с генералом фон Гогенцоллерном, который, по словам Катерины фон Альт, был одним из лидеров оппозиции — этот самый фон Вальдбург работал со Шталем. Работал открыто, нагло, используя ресурсы империи для организации покушения на военного министра.

— Что будем делать, граф? — Фальк смотрел на него, ожидая приказа.

Алекс подошёл к окну — тому самому, которое оставили открытым, — и посмотрел на улицу. Дождь усилился, и брусчатка блестела в свете фонарей, как чёрное зеркало.

— Мы не будем арестовывать фон Вальдбурга, — произнёс он наконец.

— Почему?

— Потому что арест — это конец. А нам нужно начало. Нам нужно знать, кто ещё с ним связан. Нам нужно знать, как глубоко зашла эта сеть. И нам нужно, чтобы они думали, что покушение удалось. Что я мёртв.

Фальк приподнял бровь.

— Вы хотите инсценировать свою смерть?

— Не свою, — Алекс усмехнулся криво, и кровь на его губах треснула. — Свою репутацию. Мы пустим слух, что я тяжело ранен. Что я при смерти. Что я не смогу руководить арсеналом. И посмотрим, кто придёт на похороны.

— Это рискованно, граф. Если они поймут, что это ловушка...

— Они не поймут, — Алекс отвернулся от окна. — Потому что глупцы всегда видят в других только то, что хотят видеть. А я иду спать. Завтра у нас будет много работы.

Он вышел из комнаты, прихрамывая, и Фальк проводил его взглядом. В этом взгляде было не только уважение. В этом взгляде было что-то похожее на страх. Не страх за себя. Страх за того человека, который шёл по коридору, который становился всё более жёстким, всё более расчётливым, всё более похожим на тех врагов, которых он так яростно пытался уничтожить.

Но Фальк ничего не сказал. Он просто последовал за ним, бесшумный, как тень, готовый защищать его до конца. Потому что это была его работа. И потому что, несмотря на всё, он верил в этого человека. Верил, что тот не перейдёт черту.

Но черта была близко.

ГЛАВА 8. ОТВЕТ

Утро после покушения было серым, тяжёлым, с тем особенным, свинцовым светом, который бывает только в столице после дождя, когда небо не может решить — то ли разразиться новой бурей, то ли затянуться тоскливой пеленой до самого вечера.

Двое гвардейцев выносили носилки с телом, накрытым чёрным сукном. Третий тащил мешки с углём, в которых, по замыслу Фалька, должны были быть спрятаны «доказательства заговора». Четвёртый, молодой капрал с испуганным лицом, бежал к воротам, сжимая в руке запечатанный конверт — тот самый, который через час должен был оказаться на столе у канцлера.

— Ну как, милорд? — Фальк появился в дверях так бесшумно, что Алекс, даже зная его привычки, вздрогнул. Бывший разведчик держал в руках чашку с горячим цикорием и тарелку с поджаренным хлебом. — Слух уже пошёл?

— Пошёл, — Алекс взял чашку, обжёг пальцы, но не поставил её обратно. — Капрал выехал пять минут назад. Через полчаса канцлер будет знать, что на военного министра совершено покушение. Через час — что министр тяжело ранен и, возможно, не выживет. А к полудню весь Карлсбург будет говорить о том, что граф фон Верн при смерти.

— И что дальше?

Алекс сделал глоток. Цикорий был горьким, с привкусом жжёного сахара, и эта горечь странно гармонировала с тем, что он чувствовал внутри — не страхом, не гневом, а той холодной, расчётливой ясностью, которая наступает у человека, когда он перестаёт сомневаться.

— Дальше, Эрих, мы ждём. Ждём, кто придёт навестить умирающего министра. Ждём, кто не придёт. Ждём, кто начнёт шептаться в коридорах дворца. И ждём, кто попытается воспользоваться моментом, чтобы нанести удар в спину.

Фальк кивнул, принимая эту логику без лишних слов. Он был человеком, который двадцать лет провёл в тени, и для него интриги были не игрой, а работой. Как сапёр, который знает, что мина не взорвётся, если следовать протоколу, он знал: заговор раскроется сам, если дать ему время.

— Фон Вальдбург уже в движении? — спросил Алекс.

— Мои люди следят за ним с рассвета. Он не выходил из своего особняка, но его адъютант — тот самый, со шрамом на щеке, — выезжал трижды. Первый раз — в канцелярию военного министерства. Второй раз — в резиденцию барона фон Кляйнберга. Третий раз — в таверну «Чёрный олень», но там он пробыл всего десять минут. Видимо, проверял, чисто ли после вчерашнего.

— А Дитрих?

— Мастер Гильдии заперся в своей кузнице и не выходит. Но его подмастерья бегают по городу, как тараканы, когда включают свет. Они что-то знают. И они чего-то боятся.

Алекс поставил чашку на подоконник и посмотрел на Фалька. В глазах бывшего разведчика не было ни сомнения, ни осуждения. Только та профессиональная сосредоточенность,

которая бывает у людей, выполняющих сложную операцию, где цена ошибки — жизни десятков, а то и сотен людей.

— Эрих, — произнёс Алекс тихо, — я хочу, чтобы ты понял одну вещь. То, что мы сейчас делаем, — это не месть. Это не расправа. Это хирургическая операция. Мы вырезаем опухоль, пока она не пустила метастазы. И если мы будем действовать грубо, если мы будем рубить направо и налево, мы убьём не только опухоль, но и пациента. Империя — это пациент. И она слишком слаба, чтобы пережить ещё одну гражданскую войну.

— Я понимаю, граф.

— Хорошо. Тогда слушай план. Сегодня в полдень я появлюсь в канцелярии. Не мёртвый, не умирающий, а живой и здоровый. Но с повязкой на голове и с перевязанной рукой — чтобы все видели, что покушение было серьёзным. Я вызову канцлера, императора и всех баронов, которые имеют отношение к Тайному совету. И я покажу им то, что мы нашли у убитых.

— А фон Вальдбург?

— Фон Вальдбург будет арестован завтра. Не сегодня. Потому что сегодня он должен думать, что ему повезло. Что я ранен, что я не опасен, что он может действовать безнаказанно. И когда он расслабится, когда он начнёт праздновать, когда он сделает следующий шаг — мы его возьмём.

Фальк медленно кивнул.

— А барон фон Кляйнберг? Тот, к которому ездил адъютант?

— Его возьмём вместе с фон Вальдбургом. И ещё одного — фон Дорнхайма. Трёх достаточно. Больше — это уже резня, а не операция.

— А остальные?

— Остальные будут смотреть. И они поймут. Поймут, что с нами лучше не связываться. Что мы не просто граф с армией крестьян. Что мы — сила, с которой нужно считаться. И что предательство в этой империи карается не ссылкой и не штрафом, а виселицей.

Алекс отвернулся от окна и подошёл к столу, на котором лежали три папки — те самые, что он собрал ещё до покушения. В первой — копии писем фон Вальдбурга к Шталю, перехваченные агентами Фалька. Во второй — финансовые отчёты, показывающие, как барон получал южное золото через подставных купцов. В третьей — показания двух слуг фон Кляйнберга, которые видели, как их господин встречался с эмиссарами южных королевств.

Всё это было у него уже неделю. Но он не спешил. Он ждал. Ждал, пока заговорщики сделают следующий шаг. Ждал, пока они сами не подставятся. И вчера ночью, когда убийцы вошли в его резиденцию, он понял: момент настал.

— Эрих, — произнёс Алекс, открывая первую папку, — подготовь людей. Завтра в шесть утра — аресты. Не шумно, не публично. Просто — исчезают из своих постелей, и всё. Чтобы их жёны не успели понять, что произошло, чтобы их слуги не успели предупредить остальных. И чтобы император получил известие об аресте не от канцлера, а от меня лично.

— Будет сделано, граф.

Фальк поклонился и вышел. Алекс остался один, в кабинете, пахнущем порохом, кровью и старым пергаментом. Он посмотрел на свои руки — на шрамы, на мозоли, на ту самую каплю засохшей крови под ногтем, которую он не успел оттереть. Эти руки построили укрепрайон «Молот». Эти руки сломали двенадцать орудий в темноте. Эти руки спасли империю.

И эти же руки сейчас подписывали смертные приговоры трём людям, которых он никогда не видел в лицо.

Он взял перо, обмакнул в чернильницу и начал писать. Не как военный министр. Не как граф. А как человек, который понимает: иногда, чтобы спасти тысячи, нужно убить троих. И что эта математика — самая страшная из всех, какие ему приходилось решать.

Канцлер фон Мейер принял его в том самом кабинете, где они договаривались о сделке месяц назад, когда столица горела, а империя висела на волоске. Но сейчас канцлер выглядел иначе — не как хозяин положения, а как человек, который только что узнал, что его дом подожгли, и который ещё не решил — тушить пожар или бежать.

— Граф фон Верн, — произнёс канцлер, не вставая из-за стола. Его голос был ровным, но в нём звенело то напряжение, которое Алекс научился распознавать лучше, чем любые слова. — Я только что получил ваше письмо. И я должен сказать: вы играете с огнём.

— Я играю не с огнём, канцлер, — Алекс сел в кресло напротив, не дожидаясь приглашения. — Я играю с теми, кто этот огонь разжигает. И если я не вмешаюсь, этот огонь сожрёт империю быстрее, чем армия Шталя.

Канцлер поморщился. Он был человеком старой школы, человеком, который верил, что политика — это искусство компромиссов, что сильные мира сего не арестовывают друг друга, а договариваются за бокалом вина. Для него то, что сделал Алекс, было не просто нарушением протокола — это было нарушением самого порядка вещей.

— Вы арестовали баронов без суда, граф, — произнёс канцлер медленно, тщательно подбирая слова. — Без решения Тайного совета. Без императорского указа. Это — произвол. Это — то, против чего восстала вся аристократия империи сто лет назад.

— Это — война, канцлер, — Алекс посмотрел на него прямо. — А на войне нет суда. Есть победа или поражение. И если я буду ждать, пока ваш Тайный совет соберётся, пока он проголосует, пока он оформит бумаги, — фон Вальдбург уже будет на юге, с докладом для Шталя. И тогда мы проиграем не просто битву. Мы проиграем всё.

— Вы ставите мне ультиматум, граф?

— Нет. Я ставлю вас перед выбором. Вы можете поддержать меня — и тогда мы очистим империю от предателей, пока не стало слишком поздно. Или вы можете встать на сторону баронов — и тогда я опубликую всё, что знаю. Включая то, кто из ваших советников получал южное золото на протяжении последних пяти лет.

Канцлер побледнел. Это было не угроза — это была констатация факта. Алекс не шантажировал; он просто показывал, что у него есть информация, и что он готов её использовать. И канцлер, человек, который двадцать лет провёл в политике, понял: перед ним не выскочка, не крестьянин, которому повезло. Перед ним — игрок. И игрок, который сильнее его.

— Что вы хотите, граф? — произнёс канцлер наконец, и в его голосе не было ни гнева, ни страха. Только та усталая покорность, которая бывает у людей, понимающих, что они проиграли партию.

— Публичный процесс, — Алекс произнёс это чётко, без эмоций. — Завтра, в полдень, в Большом зале дворца. Фон Вальдбург, фон Кляйнберг и фон Дорнхайм — на скамье подсудимых. Император — на троне. Вы — рядом с ним. И все бароны, все генералы, все министры — в зале. Чтобы видели. Чтобы поняли. Чтобы больше никто не посмел.

— И какой приговор вы хотите?

Алекс усмехнулся. Криво, без веселья.

— Смерть, канцлер. Для всех троих. Но с одной оговоркой.

— Какой?

— Я предложу помилование. В обмен на показания. Полные, исчерпывающие показания о сети заговора. О связях со Шталем. О том, кто ещё получает южное золото. И если двое согласятся — они получают жизнь. Ссылку в отдалённые провинции, конфискацию имущества, но — жизнь. Третий — нет. Третий будет казнён. Как пример.

Канцлер смотрел на него долго, молча. И в этом взгляде, в глазах человека, который за двадцать лет привык, что ему подчиняются, было то выражение, которое бывает у людей, понимающих, что они, больше не могут повелевать.

— Вы опасный человек, граф, — произнёс канцлер наконец. — Очень опасный.

— Я эффективный человек, канцлер, — Алекс встал. — Это разные вещи.

Император Вольфганг Четвёртый принял его отдельно, после канцлера. И этот разговор был другим — не холодным, не расчётливым, а тяжёлым, почти интимным, как разговор двух людей, которые знают, что они несут на своих плечах слишком тяжёлый груз, и что никто другой этот груз не понесёт.

Император сидел в кресле у камина, с пледом на коленях, и выглядел старше, чем во время штурма столицы. Кожа его была серой, под глазами залегли глубокие тени, а рука, державшая чашку с бульоном, дрожала так, что бульон расплёскивался. Но глаза, когда он поднял их на Алекса, оставались ясными и цепкими.

— Граф, — произнёс император, и голос его был хриплым, как у человека, который долго не разговаривал. — Я слышал о покушении. И я слышал о вашем ответе.

— Ваше величество, — Алекс поклонился, но не низко — ровно, как равный равному. В этом кабинете, в этой комнате, где пахло лекарствами и старым пергаментом, не было места для придворных реверансов. — Я пришёл просить вашего благословения. Не разрешения — благословения.

Император усмехнулся. Криво, без веселья.

— Благословения? На что, граф? На то, что вы арестовали трёх баронов без моего указа? На то, что вы собираетесь их судить публично, как уголовных преступников? На то, что вы предлагаете одному из них смерть, а двум другим — жизнь в обмен на предательство?

— На то, что я спасаю империю, ваше величество, — Алекс произнёс это тихо, но в его голосе не было ни сомнения, ни заискивания. — Потому что если я не сделаю этого — империя не выстоит. Южные королевства придут весной. Шталь приведёт их через перевалы. И если внутри империи будут бароны, которые откроют им ворота, — мы проиграем. Не потому, что наша армия слаба. А потому, что мы будем преданы изнутри.

Император молчал, обдумывая. Потом медленно произнёс:

— Вы знаете, граф, что фон Вальдбург — мой двоюродный брат? Что его мать была сестрой моей матери? Что я крестил его сына?

Алекс кивнул. Он знал это. И именно поэтому он пришёл к императору лично, а не послал письмо. Потому что то, что он собирался сделать, требовало не просто согласия — требовало понимания.

— Я знаю, ваше величество. И именно поэтому я прошу вас не о разрешении, а о благословении. Потому что я не хочу, чтобы вы думали, что я действую за вашей спиной. Я хочу, чтобы вы знали: я действую ради вас. Ради империи. Ради того, что мы построили вместе.

Император посмотрел на него долго, молча. И в этом взгляде, в глазах человека, который за свою долгую жизнь привык, что ему льстят, что ему угождают, что ему лгут, — в этом взгляде было что-то похожее на благодарность. Не за лесть. Не за угождение. А за правду. За ту жестокую, беспощадную правду, которую никто другой не осмеливался ему сказать.

— Действуйте, граф, — произнёс император наконец, и в его голосе не было ни радости, ни скорби. Только та усталая решимость, которая бывает у людей, принявших неизбежное. — Но знайте: если вы ошибётесь, если вы арестуете невинного, если вы казните того, кто не заслужил смерти, — я не смогу вас защитить. И тогда ваша голова будет следующей на плахе.

— Я понимаю, ваше величество.

— И ещё одно, — император поднял руку, и Алекс замер. — Публичный процесс. Да. Помилование в обмен на показания. Да. Но не казните их сразу. Дайте им время. Дайте им понять, что они потеряли. Дайте им увидеть, как рушится всё, что они построили. Потому что смерть — это милость. А жизнь после потери всего — это наказание.

Алекс поклонился. Низко, по-настоящему. Потому что в этот момент он понял: император не просто согласился. Император дал ему урок. Урок о том, что справедливость — это не только возмездие. Это ещё и понимание того, что возмездие должно быть соразмерным. Что казнь — это конец. А жизнь после казни — это продолжение, которое иногда бывает страшнее смерти.

— Будет сделано, ваше величество, — произнёс Алекс, выпрямляясь.

Он вышел из кабинета императора с тяжёлым сердцем. Не потому, что сомневался в правильности своих действий. А потому, что понимал: то, что он делает, меняет его самого. Превращает его из инженера, который решает задачи, в правителя, который принимает решения. А решения, в отличие от задач, не имеют единственно правильного ответа. У них есть только последствия.

И он должен был быть готов нести эти последствия. До конца.

Большой зал дворца был полон, когда Алекс вошёл в него в полдень следующего дня. Полон не просто людьми — полон напряжением, тем особенным, электрическим напряжением, которое бывает в помещениях, где решаются судьбы. Бароны сидели на скамьях вдоль стен, в своих парадных мундирах, с орденами на груди, с лицами, на которых не было ни эмоций, ни сочувствия. Генералы — в стороне, с руками на рукоятках шпаг, с глазами, которые бегали от одного к другому, пытаясь понять, кто следующий. Министры — у трона, с папками в руках, с лицами, на которых читалось не любопытство, а страх.

Император сидел на троне — не в парадном облачении, а в простом тёмном камзоле, с тем выражением, которое бывает у людей, пришедших на похороны друга. Канцлер — рядом, с лицом, похожим на маску. А в центре зала, на скамье подсудимых, сидели они — трое. Фон Вальдбург, фон Кляйнберг и фон Дорнхайм.

Фон Вальдбург был бледен, но держался с тем достоинством, которое бывает у людей, привыкших повелевать. Его руки лежали на коленях, и только пальцы, слегка подрагивающие, выдавали то, что он чувствовал внутри. Фон Кляйнберг — толстый, красный, с лицом, покрытым потом, — выглядел как человек, который ещё не понял, что происходит, и который надеется, что это просто недоразумение. Фон Дорнхайм — молодой, лет тридцати пяти, с дерзким взглядом и ухмылкой, которая не сходила с лица, — выглядел так, словно он пришёл не на суд, а на дуэль.

Алекс встал в центре зала, перед троном, и обвёл взглядом собравшихся. Он не стал кричать, не стал угрожать. Он просто поднял руку, и зал затих.

— Господа, — произнёс он, и голос его, ровный, без эмоций, разнёсся по залу так, что слышал каждый. — Сегодня мы собрались не для того, чтобы вершить суд. Суд — это то, что делают в мирное время. А мы — в состоянии войны. И в состоянии войны есть только два пути: победа или поражение. И есть только один вопрос: кто на чьей стороне.

Он сделал паузу, давая словам впитаться.

— Трое людей, сидящих перед вами, выбрали сторону. Они выбрали сторону врага. Они выбрали сторону Штала. Они выбрали сторону южных королевств. И они действовали не из страха, не из невежества, а из расчёта. Из желания сохранить свои привилегии, свои земли, своё богатство — любой ценой. Даже ценой гибели империи.

Фон Вальдбург поднял голову, и в его глазах проступила та гордость, которая бывает у людей, не способных признать поражение.

— Вы лжёте, граф, — произнёс он, и голос его был твёрдым, несмотря на бледность. — Вы лжёте, чтобы устранить политических противников. Чтобы захватить власть. Чтобы стать диктатором.

Алекс посмотрел на него. Без гнева. Без презрения. Только с той холодной жалостью, которая бывает у людей, видящих, как другой человек цепляется за иллюзии, которые давно разбиты.

— Я не лгу, барон, — произнёс он. — Я просто показываю факты.

Он кивнул Фальку, и тот вынес вперёд три папки. Алекс открыл первую.

— Фон Вальдбург, — произнёс он, — на протяжении последних двух лет вы получали регулярные платежи от южных купцов. Общая сумма — сорок тысяч золотых динаров. Эти платежи проходили через подставные фирмы в вольном городе Хохштадт. Вот копии писем. Вот копии финансовых отчётов. Вот показания ваших слуг.

Он открыл вторую папку.

— Фон Кляйнберг, — продолжил Алекс, — вы трижды встречались с эмиссарами южных королевств в таверне «Чёрный олень». На этих встречах вы передавали им информацию о расположении имперских гарнизонов на южной границе. Вот показания трактирщика. Вот показания ваших людей. Вот копии писем, которые вы отправляли после этих встреч.

Он открыл третью папку.

— Фон Дорнхайм, — произнёс Алекс, и в его голосе впервые проступила та сталь, которая заставила молодого барона отвести взгляд, — вы не просто получали золото. Вы вербовали людей. Вы создавали сеть агентов внутри имперской армии. Вы пытались подкупить офицеров, чтобы они открыли перевалы врагу. И если бы не моё вмешательство, ваши агенты уже были бы на позициях.

Зал затих. Та мёртвая, ватная тишина, которая бывает, когда произнесены слова, которые нельзя забрать обратно. Бароны переглядывались, генералы сжимали рукояти шпаг, министры опускали глаза. И только трое на скамье подсудимых смотрели на Алекса — один с гордостью, один со страхом, один с ненавистью.

— Я не буду тратить время на долгие речи, — произнёс Алекс. — У нас нет времени. У империи нет времени. И поэтому я предлагаю сделку.

Он посмотрел на троих.

— Двое из вас могут получить жизнь. Полные, исчерпывающие показания о сети заговора. О всех, кто связан со Шталем. О всех, кто получает южное золото. О всех, кто готов открыть перевалы врагу. И в обмен на эти показания — жизнь. Ссылка в отдалённые провинции. Конфискация имущества. Но — жизнь.

Он сделал паузу.

— Третий — нет. Третий будет казнён. Как пример. Как предупреждение. Как напоминание о том, что предательство в этой империи карается не штрафом и не ссылкой, а виселицей.

Зал загудел. Бароны зашептались, генералы переглянулись. Это было не то, чего они ожидали. Они ожидали казни — быстрой, публичной, показательной. Но не этого. Не сделки. Не выбора.

Фон Вальдбург встал. Медленно, с достоинством, как человек, который знает, что его эпоха закончилась.

— Я не буду давать показаний, граф, — произнёс он, и в его голосе не было ни страха, ни мольбы. Только та гордость, которая бывает у людей, не способных признать поражение. — Я не буду предавать тех, кто мне доверился. Я не буду унижаться перед вами. Делайте, что хотите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.